КРАТКІЙ ОЧЕРКЪ

ЦЕРКОВНО-ОБЩЕСТВЕННОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

ПРЕПОДОБНАГО

МАКСИМА ГРЕКА

по части обличенія и исправленія заблужденій, недостатковъ и пороковъ русскаго общества XVI ст. (1518—1556 г.).

СОСТАВИЛЪ
священникъ А. Синайскій.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ, Моховая, 40
1898.

Прав 1955
Пр.

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать дозволяется. С.-Петербургъ, 10-го марта 1898 года

Цензоръ, Архимандритъ *Владиміръ*.

442
37

Преп. Максимъ Грекъ-святогорецъ въ своей жизни и дѣятельности представляетъ замѣчательное явленіе въ исторіи русскаго общества XVI в., какъ времени продолжительнаго броженія. колебанія и борьбы новыхъ религіозно-церковныхъ понятій и иноземныхъ вліяній съ господствовавшимъ невѣжествомъ и назрѣвшею потребностью въ очищеніи застарѣлыхъ недостатковъ, умственныхъ и нравственныхъ. Въ лицѣ преп. Максима Грека, съ одной стороны, слышится идеальный свѣтлый голосъ самоотверженнаго дѣятеля и невиннаго страдальца-мученика. а съ другой—обнаруживается полная слабость единичныхъ силъ для скораго и плодотворнаго воздѣйствія на установившійся вѣками складъ понятій русскаго общества. въ лицѣ преп. Максима Грека можно. далѣе, видѣть выраженіе и завершеніе того греко-вйзантійскаго вліянія на Русь, какое она воспринимала въ предшествовавшее время чрезъ живыя отношенія и сношенія съ греками и усвоеніи ихъ книжнаго богатства. Имѣя въ виду жизнь и литературно-церковные труды преп. Максима Грека, можно сказать, что онъ былъ самый видный и идеальный на Руси представитель греко-православнаго просвѣщенія, безкорыстный и скромный, но въ то же время и самый несчастливый, если можно считать несчастіемъ великодушно-перенесенныя и невинныя страданія за правду и убѣжденія, долженствующія вполнѣ и достойно вознагра-

диться въ будущей жизни отъ всеправеднаго и нелицепріятнаго Судіи. Главное и неоспоримое значеніе преп. Максима Грека, съ церковно-исторической точки зрѣнія, состоитъ въ томъ, что онъ первый рѣшительно и внушительно показалъ то, какъ далеко стояла Русь въ своей жизни отъ истиннаго христіанскаго идеала, односторонним и неправильнымъ осуществленіемъ котораго она довольствовалась и даже гордилась. Съ этой именно стороны заслуги преп. Максима Грека представляются и признаются незамѣнимыми; потому что онъ описалъ русское общество во время своего, довольно продолжительнаго времени, такъ характерно и вѣрно, какъ нельзя лучше и представить его на основаніи остальныхъ достовѣрныхъ источниковъ, всѣхъ въ совокупности взятыхъ. Въ сочиненіяхъ преп. Максима Грека не только усматриваются недостатки и особенности русскаго общества, но и находятся объясненія нѣкоторыхъ весьма важныхъ фактовъ и явленій, возникшихъ и развившихся впослѣдствіи на почвѣ указанной наблюдательности преп. святогорца (какъ наприм. обрядовое направленіе русскихъ XVI в., изъ каковаго направленія, какъ одного изъ главныхъ факторовъ, образовался расколъ старообрядства въ XVII в.). При оцѣнкѣ сочиненій преп. Максима Грека нужно имѣть въ виду еще и то, что авторъ ихъ былъ лишенъ свободы, находился въ заточеніи, слѣдовательно составлялъ (большинство) ихъ при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ.

Потребность въ описаніи и характеристикѣ дѣятельности и значенія преп. Максима Грека вызывается не столько отсутствіемъ удовлетворительнаго изслѣдованія о названномъ писателѣ, сколько скромнымъ желаніемъ автора объединить все вѣрно сказанное о Максимѣ, провѣрить и подтвердить существующіе о немъ взгляды на

основаніи изданныхъ его сочиненій. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что личность и заслуги преп. Максима Грека побуждаютъ ожидать бо́льшаго вниманія къ нему со стороны ученаго потомства, чѣмъ какое оказано преп. Максиму до настоящаго времени. Современное состояніе науки русской церковной исторіи и научные строгія требованія уже не удовлетворяются тѣмъ, что написано о преп. Максимѣ Грекѣ, начиная отъ 1822 г. до 1860 г., когда были изданы сочиненія Максима при казанской академіи. Объ изданіи сочиненій преп. Максима нужно сказать, что оно не полно; многія догматико-полемическія сочиненія преп. Максима, написанныя на книжномъ славяно-русскомъ языкѣ по греко-латинской конструкціи, оставлены безъ перевода на русскую рѣчь, отчего они, по справедливому замѣчанію м. Макарія (истор. р. церкви, т. VII, стр. 303—4) весьма затруднительны для пониманія; къ изданію не приложены ни біографія Максима Грека, ни характеристика его литературныхъ трудовъ, которыя слѣдовало бы составить хотя бы на основаніи давнишнихъ двухъ статей о преподобномъ авторѣ, помѣщенныхъ въ 1834 г. и 1842 г. въ свѣтскихъ журналахъ *).—тѣмъ болѣе, что біографіи

*) Свѣдѣнія, замѣтки, статьи и изслѣдованія о преп Максимѣ Грекѣ находятся у слѣдующихъ ученыхъ. у М. Е Болховитинова (Стов историч. о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина, ч. II, стр 26 — 41), у архіеп. Филарета Гумилевскаго (Истор р. церкви, т III, стр. 142 — 48); Сказаніе князя Курбскаго стр 5, 35—36, 37, 107, 263—273, преніе Даніила, митрополита Московскаго и всея Руси, съ иноком Максимомъ святогорцемъ (Москва, 1847), у м Макар. Булгакова (Истор р. церкви т. VII, стр. 265—309); у проф Ив Порфирьева (Ист рус. словес., ч. 1, стр. 509—535), у Ив Соколова (еп. Сергія) Отношеніе протестанства къ Россіи въ XVI—XVII вв, стр 53—57), у прот А. В. Горскаго (Приб къ Тв св отцевъ, т 2, кн. 2, 1859 г.), у проф. Иконникова (кіев унив. изв. 1865 г.), у С. Соловьева (т. V, стр. 379, 84); въ Христіан. Чт. 1862 г. (статья Ив Нильскаго преп Максимъ Грекъ, какъ проповѣдникъ просвѣщенія на Руси въ XVI в.), у Ив Преображенскаго (О нравственномъ

преп. Максима Грека въ настоящее время не имѣется въ продажѣ.

Изъ всего, что написано о преп. Максимѣ Грекѣ, можно представить о немъ слѣдующій краткій очеркъ, изображающій его личность и благотворную дѣятельность и заслуги для Руси XVI ст.

Лучшій грекъ своего времени, получившій богословско-философское образованіе въ заграничныхъ западныхъ школахъ и относившійся къ нему критически, аѳонскій инокъ ватопедскаго монастыря въ лучшемъ смыслѣ, сдѣлавшійся быстро извѣстнымъ своему начальству за свою ученость и подвижничество, преп. Максимъ Грекъ большую часть жизни провелъ не на родинѣ, а въ Россіи, куда прибылъ по вызову великаго князя Василія Ивановича IV въ 1518 г. для разбора, описанія и перевода греческихъ рукописей въ княже-

---

состояніи русскаго общества XVI в. по сочиненіямъ преп. Максима Грека и современнымъ ему памятникомъ, Москва, 1880 г.); въ Труд. кіев академіи (1864 г., I—II кн.); у свящ. В. Жмакина (М. Даніилъ и его сочиненія, Спб, 1881 г.), въ сборникѣ десяти чтеній по русской литературѣ, (Москва, 1895 г.), въ соч. А. Котесова (рукопись), преп. Максимъ Грекъ. Его жизнь и труды (Богосл. Вѣст., 1896 г., февр.); въ соч. Д. Тарунтаева о догматич. сочин. Максима Грека (Христ. Чт., 1896 г., № 2 — 3) Изъ перечисленныхъ сочиненій о преп. Максимѣ Грекѣ выдаются своими достоинствами изслѣдованія прот. А. В. Горскаго—Максимъ Грекъ святогорецъ (Прибав. къ творен. св. отц., 1859 г., ч. XVIII, стр. 144—192) и проф. Иконникова—Максимъ Грекъ (Кіевъ, 1866 г.); означенныя изслѣдованія отличаются полнотою, безпристрастіемъ и правильностью; жаль, что изслѣдованіе прот. Горскаго почему-то не окончено; оно прервано на самомъ важномъ періодѣ просвѣтительной дѣятельности преп. отца въ Россіи; къ особенностямъ изслѣдованія проф. Иконникова нужно отнести стремленіе автора указать на сродство многихъ суевѣрныхъ заблужденій русскаго общества XVI в. съ общечеловѣческими, находящими для себя объясненіе въ невѣжествѣ, мистицизмѣ и взаимномъ вліяніи (вслѣдствіе сношеній націй) народныхъ массъ. Особенною ясностью, живостью изложенія и общедоступностью отличается позднѣйшая по времени компилятивнаго характера статья Ф. Нечидова о преп. Максимѣ, вошедшая въ указанный выше сборникъ чтеній по русской литературѣ.

ской библіотекѣ, но гдѣ пришлось по-неволѣ остаться до смерти, послѣдовавшей въ 1556 г. (1480—1556 г.), на 76-мъ году жизни. Во все это продолжительное время пребыванія въ Россіи преп. Максимъ Грекъ занятъ былъ книжнымъ дѣломъ, т. е. переводомъ съ греческаго на славяно-русскій языкъ святоотеческаго писанія, провѣрялъ существовавшіе переводы чрезъ сличеніе ихъ съ *оригинальнымъ текстомъ* и исправлялъ вкравшіяся въ наши богослужебныя книги ошибки и неточности; это онъ дѣлалъ по порученію церковно-гражданской власти; но въ то же время преп. Максимъ самостоятельно предавался составленію трактатовъ, посланій, словъ и замѣтокъ, въ которыхъ то обличалъ ложныя мнѣнія инославныхъ и русскихъ современниковъ о разныхъ предметахъ вѣры, то указывалъ на господствовавшіе недостатки и пороки среди русскихъ, не исключая монашества и духовенства, то давалъ объясненія и отвѣты многимъ обращавшимся къ нему съ запросами по поводу разныхъ недоумѣній въ области церковно-богослужебной, административной, церковно-канонической и т. п. предметамъ, волновавшимъ тогдашнее общество. Не легко и не безопасно было преп. Максиму Греку справиться съ предстоявшими ему задачами, постепенно расширявшимися, при незнаніи Максимомъ славяно-русскаго языка, вмѣсто котораго, на первыхъ порахъ до изученія, онъ долженъ и вынужденъ былъ пользоваться латинскимъ при помощи русскихъ толмачей, переводившихъ не всегда удачно работы Максима съ латинскаго на русскій. Но не эта была главная причина, измѣнившая безповоротно и злополучно судьбу преп. Максима; изучивши (далеко, впрочемъ, несовершенно) славянскій языкъ, Максимъ слишкомъ воспользовался имъ для открытаго, рѣзкаго и поголовнаго обличенія заблужде-

ній, недостатковъ и пороковъ русскаго общества. Указаніе на неисправность богослужебныхъ книгъ, рѣзкое осужденіе привязанности русскихъ къ обрядовой сторонѣ вѣры взамѣнъ искренняго благочестія и добродѣтельной жизни, обличеніе любостяжательности и стремленія монаховъ къ пріобрѣтенію и пользованію земельными имуществами, наклонности къ сутяжничеству, притѣсненію и жестокости и т. п. шли въ разрѣзъ съ невѣжествомъ и самомнѣніемъ русскихъ, считавшихъ себя не только выше (особенно въ религіозномъ отношеніи) западныхъ христіанъ латинянъ, но даже и православныхъ грековъ, въ то время политически угнетенныхъ и подозрительныхъ въ вѣроисповѣдныхъ вопросахъ. Русскіе люди не поняли и не хотѣли понять ни искренности и чистоты намѣреній преп. Максима въ дѣлѣ исправленія книгъ и обличенія дѣйствительныхъ, а не мнимыхъ недостатковъ, ни своевременности и пользы исправленій; они жестоко отнеслись къ преп. Максиму Греку; обвинили его въ неблагонамѣренности и даже политической неблагонадежности, вмѣсто того, чтобы слѣдовать его указаніямъ; одни это сдѣлали изъ ненависти и зависти къ выдававшимся достоинствамъ и заслугамъ Максима,—другіе по невѣжеству, а нѣкоторые изъ опасенія за цѣлость православія; допущенныя Максимомъ, всегда возможныя, въ данномъ случаѣ происшедшія, отъ незнанія славянскаго языка, ошибки при исправленіи книгъ поставлены были недоброжелателями Максима Грека въ вину; если въ исправленіи видѣли порчу книгъ, то въ неудовлетворительныхъ новыхъ выраженіяхъ признали еретичество, не обращая вниманія на оправданія и униженныя просьбы о прощеніи. Преподобный Максимъ Грекъ подвергся опалѣ и со стороны ранѣе расположеннаго къ нему великаго князя

Василія Ивановича; опала была напрасная; она вытекала не изъ виновности въ чемъ либо предосудительномъ преп. Максима Грека, всегда благонамѣреннаго дѣятеля и мужественнаго охранителя церковныхъ постановленій, а изъ неодобренія Максимомъ насильственнаго и незаконнаго расторженія брака великаго князя Василія съ своею супругою Соломоніею по причинѣ ея неплодства; преп. отецъ отказался одобрить намѣреніе князя, вопреки желанію послѣдняго и согласію Московскаго митрополита Даніила на разводъ, который и состоялся (въ 1524 г.). Другимъ источникомъ продолжительнаго охлажденія къ преп. Максиму Греку могли быть тѣ писанія его, въ которыхъ содержались намеки на непохвальныя дѣйствія обоихъ государей — Василія и Ивана IV. Ни въ чемъ неповиннаго Максима на соборахъ въ 1525 и 1531 гг. осудили какъ еретика и развратника писанія на заточеніе сначала въ Волоколамскій монастырь, а потомъ въ Тверской Отрочь, гдѣ онъ томился неисходно почти до самой смерти († 1556 г.), лишенный не только свободы, но и физическаго простора, свѣта и возможности предаваться вполнѣ книжнымъ занятіямъ; Максимъ обреченъ былъ на бездѣйствіе: его лишили участія въ богослуженіи и причащеніи св. Евхаристіи. Безпристрастная исторія считаетъ осужденіе преп. Максима несправедливымъ, а продолжительное и тяжелое заточеніе его не только насильственнымъ, но и беззаконнымъ, противнымъ правиламъ гостепріимства, существовавшимъ тогда правамъ иностранцевъ и международныхъ отношеній; потому что преп. Максимъ Грекъ былъ не русскій подданный, а иностранный, хотя и единовѣрецъ. Мы удивляемся жестокости и безчеловѣчію монаховъ волоколамской обители, съ какими они, владѣльцы имѣній, но не благо-

родныхъ чувствъ, относились къ безкорыстному и бѣдному ученому Греку-единовѣрцу; къ неоднократнымъ слезнымъ просьбамъ Максима о возвращеніи его на родину глухо относились всѣ тѣ, къ кому онъ обращался, отъ великаго князя (Ивана IV Грознаго, Василія IV) до боярина. Причина такой жестокости къ Максиму заключалась, помимо сказаннаго, въ опасеніи за распространеніе худой молвы о русскихъ въ Греціи, о подданныхъ которой русскіе были низкаго мнѣнія. „Человѣкъ онъ разумный, увѣдалъ наше доброе и лихое, и когда пойдетъ изъ Россіи, то все разскажетъ“, говорилъ въ 1545 г. бояринъ Берсень о преп. Максимѣ. Изъ словъ боярина слѣдуетъ, какъ будто бы рѣчь идетъ не о скромномъ инокѣ, а о шпіонѣ въ военное время. Слова Берсеня знаменательны и характерны: какъ легко съ патріотическими чувствами соединяются грубость, самообманъ и жестокость! По высокопоставленному лицу можно судить о другихъ, имъ же имя легіонъ.

Не разнообразна, а скучна и монотонна, повидимому, была жизнь преп. Максима Грека въ грубой, негостепріимной и неблагодарной Россіи, однако великія личности, оставляющія послѣ себя память въ отдаленномъ потомствѣ, умѣютъ пользоваться своими даже несчастіями для самоусовершенствованія и исторіи. Если представить себѣ подневольное положеніе преп. Максима Грека, его униженіе, заточеніе какъ бы замогильное, (несчастнаго закованнаго въ оковы томили дымомъ холодомъ, голодомъ, отчего онъ нерѣдко впадалъ въ безсознательное, обморочное состояніе) страданія, тоску по родинѣ, іудейскую жестокость судей, полное одиночество среди враждебныхъ монаховъ, то станетъ удивительнымъ то, какимъ образомъ могъ столько оставить послѣ себя литературныхъ трудовъ человѣкъ опальный

и выдержать великодушное настроеніе и покорность Промыслу до конца? Недоумѣніе и удивленіе наше находитъ себѣ объясненіе въ личности преп. Максима Грека. Это былъ человѣкъ мысли, идеаловъ, подвиговъ и стремленій, воплощеніе истиннаго монаха, мужъ не отъ міра сего, не искавшій для себя ничего въ мірѣ, но въ то же время знавшій, что въ немъ совершается, чѣмъ люди интересуются, какими страдаютъ недостатками, нравственными и умственными. Свои наблюденія надъ жизнью современнаго русскаго общества преп. Максимъ и высказалъ въ своихъ сочиненіяхъ, указавъ на одностороннее направленіе въ области вѣры и жизни. Отсюда на труды преп. Максима Грека можно смотрѣть съ двухъ сторонъ: 1) со стороны описательной, или фактической и 2) со стороны обличительной, или критической. Съ означенныхъ двухъ сторонъ мы и разсмотримъ творенія преп. Максима Грека въ краткомъ видѣ, т. е. не повторяя существующихъ характеристикъ о Максимѣ Грекѣ, но обобщая и излагая ихъ въ порядкѣ возникновенія тѣхъ болѣе или менѣе важныхъ вопросовъ русскаго общества XVI в., по поводу которыхъ высказывался преп. Максимъ Грекъ въ своихъ сочиненіяхъ.

I.

XVI в. по справедливости признается временемъ темнымъ,—временемъ, когда былъ полный упадокъ просвѣщенія; научнаго знанія не было; знаніе церковно-религіозное было одностороннее, слабое; оно состояло въ чтеніи и усвоеніи свято-отеческой письменности, соединенной съ примѣсью апокрифическихъ писаній, наполненныхъ суевѣріями, историческими и логическими

несообразностями: вмѣсто просвѣщенія была низшая его форма—грамотность и начитанность, пріобрѣтенная не самостоятельнымъ образомъ, безъ критической провѣрки; школъ и учителей не было. Отъ упадка общаго и религіознаго образованія происходили грубыя и невѣрныя понятія и взгляды на предметы вѣры, нравственныя требованія, взаимныя отношенія и правила, и житейскія обязанности; требованія христіанской религіи представлялись и исполнялись чисто внѣшнимъ образомъ; христіанскіе догматы отождествлялись съ обрядами; исполненіе обрядовой стороны, безъ внутренняго побужденія и одушевленія, составляло благочестіе; правила нравственности нарушались не только по наклонности ко злу и эгоизму, но и по превратнымъ представленіямъ о сущности долга; ложныя понятія господствовали не только среди простаго народа, но и въ среднемъ и высшемъ сословіяхъ, не исключая духовенства и монашества. Если первое было грубо, распущенно и бѣдно, то второе, будучи обезпечено, весьма далеко было отъ своего идеала. Исключеніе изъ господствовавшаго упадка просвѣщенія и нравственности представляли немногія лица, принадлежавшія къ духовному и свѣтскому обществу. Эти лица не только видѣли и понимали недостатки современнаго имъ общества, но и стремились помочь дѣлу исправленія русскаго общества словомъ, писаніемъ и примѣромъ, вывести его изъ заблужденій, лицемѣрія и самомнѣнія. Помимо указанія и обличенія различныхъ нестроеній (въ богослуженіи, въ мелочныхъ спорахъ изъза различія въ обрядахъ, въ семейной жизни, въ приверженности къ остаткамъ язычества) Руси XVI в., происходившихъ то отъ правительства, то отъ нарушенія церковныхъ правилъ, то отъ произвола частныхъ лицъ, означенныя свѣтлыя личности являлись храните-

лями страны отъ вреднаго вторженія и сильныхъ вліяній на русское общество со стороны инославныхъ исповѣданій католичества и лютеранства, проповѣдники которыхъ, живя тогда въ Россіи, старались увлекать и увлекали легковѣрныхъ нашихъ соотечественниковъ одновременно съ увлеченіемъ ересью жидовствующихъ, Бакшина, Ѳеодора косаго и т. п.

Къ такимъ исключительнымъ личностямъ XVI в. на Руси, стремившимся направить нашу страну на путь истиннаго духовнаго просвѣщенія, вѣрнаго пониманія христіанства и нравственнаго долга, принадлежалъ преп. Максимъ Грекъ. По своимъ убѣжденіямъ, образованію, монашескимъ идеаламъ и жизни, Максимъ примыкалъ съ своеобразнымъ оттѣнкомъ мысли къ существовавшему тогда просвѣщенному кружку. „бѣлозерскихъ, или заволжскимъ старцевъ". образовавшемуся подъ вліяніемъ ученія, жизни и направленія преп. Нила Сорскаго (1505). Преп. Максимъ былъ главою и руководителемъ не многочисленнаго (до 11-ти лицъ), но единодушнаго и одушевленнаго высокими стремленіями кружка (не партіи, какъ казалось другимъ), члены котораго (духовные и свѣтскіе) желали воспользоваться знаніями и совѣтами преп. Максима для самообразованія, обоснованія и рѣшенія назрѣвшихъ къ тому времени церковно-общественныхъ вопросовъ. Между многими вопросами укажемъ на нѣкоторые, какъ наиболѣе важные, разсматривающіеся въ сочиненіяхъ преп. Максима Грека, имѣвшіе въ то время практическо-жизненное и руководственное значеніе. Этимъ самымъ мы ограничиваемъ характеристику преп. Максима Грека. въ которой, посему, не будетъ говориться о сочиненіяхъ преп. отца догматическаго и полемическаго (вѣроисповѣднаго) отвлеченнаго содержанія, какъ составленныхъ не столько въ

удовлетвореніе существовавшей потребности русскаго общества, сколько по общецерковнымъ побужденіямъ высокопреосвященнаго и дѣятельнаго автора ихъ. Правда, цѣлью многихъ догматико-полемическихъ сочиненій преп. Максима—было ослабленіе ереси жидовствующихъ (напр. о воплощеніи Бога-Слова), но здѣсь преп. Максимъ Грекъ сказалъ не болѣе того, что извѣстно было изъ „Просвѣтителя“ преп. Іосифа Волоколамскаго, равнымъ образомъ и въ полемикѣ противъ папскихъ заблужденій. Преп. Максимъ не устоялъ на высотѣ оригинальнаго и безпристрастнаго проповѣдника (не говоримъ изслѣдователя), вдавшись въ мелочность и даже невѣрность объясненій особенностей католическихъ обычаевъ, какъ напр., въ вопросѣ объ опрѣснокахъ, употребленіе которыхъ преп. Максимъ соединяетъ съ еретичествомъ Аполлинарія († 362 г.), отрицавшаго въ Іисусѣ Христѣ соединеніе души съ тѣломъ, символомъ чего представляется будто бы въ евхаристіи опрѣсночный хлѣбъ вмѣсто квaснаго (т. I, стр. 220, 229, 466, 527). Теоретическими и лично-патріотическими побужденіями объясняется полемика преп. Максима Грека противъ магометанскаго ученія, къ послѣдователямъ котораго преп. авторъ имѣлъ основанія относиться съ ненавистнымъ чувствомъ (называя Магомета псомъ).

Важные церковно-общественные вопросы, которыхъ касался преп. Максимъ Грекъ, отчасти уже существовали и обсуждались ранѣе, будучи вызваны самою жизнью, отчасти принадлежали иниціативѣ преп. отца. Сюда относились вопросы: 1) о лучшемъ пониманіи и исполненіи христіанскаго нравственнаго закона, 2) объ исправленіи церковно-богослужебныхъ книгъ и святоотеческой переводной письменности, 3) объ отношеніи къ русскимъ еретикамъ и иновѣрцамъ, 4) объ отноше-

ніи къ свящ. Писанію и Преданію, какъ источникамъ христіанскаго познанія, 5) о незаконности владѣнія и управленія монастырями, вотчинными имѣніями, 6) о дѣйствительныхъ идеалахъ монаховъ, заимствованныхъ изъ жизни католическихъ монастырей, 7) о добродѣтеляхъ и обязанностяхъ Государя для разумнаго и благополучнаго управленія подданными, 8) о возможности спасенія въ семейной жизни, 9) о значеніи внѣшней обрядовой сторонѣ христіанства, 10) о святости брака бѣлаго духовенства.

Съ названными вопросами внутренно и тѣсно соединялись различные недостатки и пороки русскаго общества, нашедшіе въ трудахъ преп. Максима рѣзкій отголосокъ и обличеніе.

1) *О лучшемъ пониманіи и выполненіи христіанскаго нравственнаго закона.*—Въ продолжительный 38-лѣтній періодъ своего пребыванія въ Россіи преп. Максимъ Грекъ отмѣтилъ, какъ характерную особенность среди русскаго всѣхъ классовъ общества, внѣшнее пониманіе и исполненіе христіанскаго ученія о любви къ Богу и ближнему, вмѣсто внутренняго, состоящаго въ чистыхъ побужденіяхъ къ добрымъ дѣламъ и самой добродѣтели, причемъ въ сознаніи и дѣйствіяхъ русскихъ двѣ неразлучныя заповѣди о любви къ Богу и ближнему, вопреки евангелію и истинному пониманію, раздѣлялись до противоположности и противорѣчія. Это былъ дѣйствительный недостатокъ, перешедшій изъ предшествовавшаго времени и зависѣвшій отъ упадка просвѣщенія, отсутствія училищъ и живой проповѣди; онъ вліялъ на всѣ стороны и взаимныя отношенія жизни и поведенія русскихъ. Древне-русскіе люди XVI в., какъ и предшествовавшихъ, питали свою вѣру и благочестіе не вниманіемъ и пониманіемъ христіанскихъ догматовъ, а при-

верженностію и любовію къ церковному богослуженію; къ священникамъ своимъ и учителямъ русскіе прибѣгали не за разрѣшеніемъ какихъ-либо богословскихъ вопросовъ и недоумѣній, а приходили спрашивать: что намъ ѣсть и пить въ тотъ или другой день поста, какіе класть поклоны. Благочестіе русскихъ питалось любовью къ храмамъ, церковнымъ уставамъ, къ созиданію церквей и украшенію ихъ живописью, св. иконами, книгами и затѣйливою утварью. Все это было бы хорошо, если бы такой вкусъ и заботы о внѣшнемъ благолѣпіи соединялись всегда съ внутреннимъ настроеніемъ и поведеніемъ русскихъ во-внѣ, въ жизни, въ отношеніяхъ къ другимъ, къ своему ближнему. Это несоотвѣтствіе между внѣшнимъ и внутреннимъ замѣчалъ преп. Максимъ Грекъ,— поэтому и вооружался въ обличеніяхъ: „Что нужно сказать, писалъ преп. Максимъ о тѣхъ, кто всю надежду спасенія полагаетъ во единомъ лишеніи мясъ, рыбъ и елея во время св. поста, между тѣмъ какъ не перестаютъ обижать и утѣснять своихъ слугъ и должниковъ, привлекая ихъ на судъ и доводя ихъ до озлобленія? Добро есть и поднужно (необходимо) тучнѣйшихъ брашенъ отлученіе ко умерщвленію плотскихъ скоктаній (вожделѣній) и молитва ко просвѣщенію душевныхъ силъ; но подобаетъ къ симъ приложити и душевныхъ страстей воздержаніе, да не речется и о насъ божественное слово: храняще суетная и ложная, милость свою оставиша; брашна бо непоставитъ насъ предъ Богомъ. Пока мы пребываемъ во грѣхѣ, аще и вся молитвы преподобныхъ, и тропари, и кондаки, и молебные каноны глаголемъ по вся дни и часы, ничтоже отнюдь исправляемъ“. Для доказательства того, какъ торжественное и пышное богослуженіе часто бываетъ обманчиво, соединяется съ худыми нравами людей и

сопровождается неблагопріятными послѣдствіями, т. е. божіими наказаніями, преп. Максимъ приводитъ въ примѣръ свое отечество Грецію, политическое могущество и существованіе которой рушилось въ то время, когда тамъ было „боголѣпное пѣніе вкупѣ со свѣтлошумными колоколами и благовонными миры, какія тамъ создавахуся красоты и высоты предивныхъ храмовъ...., но гдѣ въ то же время убога возненавидѣша, и сира убиша, пришельца (намекъ на себя) и вдову *). Эти мысли преп. Максима Грека находятся во многихъ его словахъ и разсужденіяхъ, написанныхъ по общимъ вопросамъ и частнымъ просьбамъ: мысли свои преп. отецъ высказывалъ съ рѣзкостью и прямотою.

Въ связи съ вопросомъ о лучшемъ пониманіи христіанскаго закона стоитъ неразлучный *вопросъ объ обрядовомъ направленіи русскихъ въ дѣлѣ вѣры*,—вопросъ, служащій дополненіемъ къ первому.

2) Отъ недостатка просвѣщенія происходило то, что русскіе не могли различать существеннаго въ дѣлѣ вѣры отъ случайнаго и условнаго, внутренняго отъ внѣшняго, догматовъ отъ обрядовъ; трудность отличать догматъ отъ обряда поддерживалась и закрѣплялась опасеніями и предостереженіемъ пастырей впасть въ заблужденіе и ересь, отступить отъ православія. Не зная догматическаго ученія, русскіе привыкли смотрѣть на обряды, въ которыхъ выражался внутренній и таинственный смыслъ христіанства, какъ на догматы, требовавшіе неприкосновенности и охраненія, даже на мелочныя обрядовыя разности стали обращать большое вниманіе. Въ XVI в. перешли, возникшіе въ предшествовавшее время, недоумѣнія въ продолжительные и

*) Сочин. Максима Грека, т. II, 157—184, 213—14, 214—219, 241—244, 260—276.

горячіе споры о сугубой аллилуіа и посолонномъ хожденіи. Эту внѣшнюю обрядовую сторону вѣры, преобладавшую надъ внутреннею, затемнявшую и замѣнявшую внутреннюю, преп. Максимъ Грекъ понималъ весьма широко и глубоко, соединяя ее въ общемъ вопросѣ о внѣшнемъ пониманіи и исполненіи христіанскаго закона со стороны русскихъ. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что своими неоднократными и настойчивыми разсужденіями о неизмѣнности и неприкосновенности преданія преп. отецъ самъ содѣйствовалъ укрѣпленію и развитію въ сознаніи русскихъ приверженности къ обрядовой сторонѣ вѣры, вмѣсто внутренне-духовной. Дѣло въ томъ, что у Максима Грека нѣтъ такого отдѣльнаго спеціальнаго трактата объ отношеніи и различіи между догматомъ и обрядомъ, какой появился впослѣдствіи *), въ 1721 г., когда обрядовое направленіе русскихъ нашло себѣ крайнее выраженіе въ расколѣ старообрядства. Напротивъ: у преп. Максима очень много находится мѣстъ, гдѣ онъ угрожаетъ анаѳемою тѣмъ, кто преданіе церковное, написанное или не писанное отмѣтаетъ **). Такъ, въ полемикѣ съ Николаемъ Нѣмчиномъ преп. Максимъ Грекъ, защищая неприкосновенность символа вѣры и православнаго исповѣданія противъ католиковъ, допустившихъ уклоненія, выражается въ такомъ смыслѣ, что свв. отцы вселенскихъ соборовъ, не только разума, но и реченіе и складъ (рѣчи) возбраняютъ примѣнити. Правда, рѣчь Максима касается собственно никеоцареградскаго символа, исповѣданія вѣры, но онъ расши-

*) Разумѣемъ „Увѣщательные пункты о томъ, какъ поступать съ раскольниками, которые не перемѣняютъ своего перстнаго сложенія, но отъ раскола обращаются". Это увѣщаніе составлено архим. златоустовскаго монастыря Антоніемъ

**) Соч. Максима Грека, т. I, 255—57, 259—60, 262—269, 270, 344.

рястъ церковную сферу со стороны ея неприкосновенности указаніемъ на не писанное преданіе, по сему и вводитъ въ заблужденіе читателей непросвѣщенныхъ. поставляя и себя въ противорѣчіе при объясненіи потребности и необходимости исправленія русскихъ богослужебныхъ книгъ отъ ошибокъ.

3) *Вопросъ объ исправленіи книгъ* —Вопросъ о книжномъ исправленіи былъ самымъ важнымъ вопросомъ. требовавшимъ скораго и удовлетворительнаго рѣшенія: съ этимъ вопросомъ связывалось, какъ прибытіе преп. Максима Грека въ Россію, такъ и дальнѣйшая дѣятельность преп. Максима и его печальная судьба. Обезпеченный во всемъ вниманіемъ и содѣйствіемъ великаго князя и м. митрополита (Варлаама), преп. Максимъ скоро, по осмотрѣ княжеской библіотеки, перевелъ, въ теченіе одного года и пяти мѣсяцевъ, съ греческаго на церковно-славянскій, толковую сводную псалтирь, состоявшую изъ собранія толкованій псалмовъ разныхъ отцевъ и учителей церкви съ древнѣйшаго времени до VII в. Чтобы перевести эту огромную книгу въ такое краткое время, преп. Максиму пришлось побѣдить много затрудненій, изъ которыхъ главнѣйшее состояло въ переводѣ книги сначала на латинскій, а съ латинскаго на славянскій языкъ. Успѣшно оконченный первый трудъ преп. Максима не только былъ важенъ самъ по себѣ, какъ давшій русскому обществу полезную книгу, употреблявшуюся въ церковномъ богослуженіи и для домашняго благочестиваго упражненія, но и тѣмъ, что переводъ псалтири съ оригинальнаго текста (греческаго), сличенный съ существовавшими прежними переводами, открылъ Максиму несовершенства и грубыя ошибки послѣднихъ. Занимаясь переводомъ толкованій псалтири, Максимъ коснулся и перевода текста ея и мѣстами

исправлялъ его *). Впослѣдствіи Максимъ внесъ еще болѣе исправленій въ переводъ псалтири, приближая языкъ ея къ общенародному по мѣрѣ личнаго ознакомленія съ языкомъ народнымъ посредствомъ живаго общенія съ русскими.

По порученію князя и церковной власти преп. Максимъ занялся переводомъ и исправленіемъ другихъ, болѣе важныхъ, богослужебныхъ и учительныхъ книгъ, какъ-то: часослововъ, тріодей, толкованій св. Іоанна Златоуста на св. евангеліе отъ Матѳея, Іоанна Богослова, Дѣяній апостольскихъ и др. Изъ сличенія наличнаго текста богослужебныхъ и учительныхъ книгъ съ древнѣйшими переводами и греческими подлинниками преп. Максимъ Грекъ убѣдился въ неисправности и испорченности книгъ, доходившихъ до нелѣпости и даже еретичества (ненамѣреннаго). По причинѣ недостатка разумѣнія, или недосмотра, или забывчивости древнихъ достойныхъ уваженія переводчиковъ, или отъ грубаго невѣжества и нерадѣнія писцовъ, въ церковно-богослужебныя книги вкралось множество ошибокъ и странностей, а своеволіе суевѣрнаго люда только этими странностями и питалось, не обращая вниманія ни на чистую вѣру, ни на лучшіе обряды. Смотря на церковно-богослужебныя книги, какъ на произведенія богодухновенныя, темные ревнители буквы глубоко были убѣждены, что въ нихъ не должно ничего измѣнять, или исправлять. Противъ такого ложнаго убѣжденія и замѣченныхъ грубыхъ ошибокъ и искаженій здраваго смысла и христіанскихъ догматовъ возсталъ преп. Максимъ

*) Такъ, вмѣсто. за не гонях благостыню, у преп. Максима переведено: держахся благостыни (за то, что я слѣдую добру), пс. 37, 21, вмѣсто: да исправится молитва моя яко кадило предъ тобою, переведено: яко сміамъ предъ тобою.

Грекъ со всею апостольскою ревностью, съ знаніемъ дѣла и съ сознаніемъ своевременности и пользы исправленія.

Въ своихъ сочиненіяхъ. писанныхъ въ цѣляхъ защищенія и оправданія отъ несправедливыхъ обвиненій въ еретичествѣ, преп. Максимъ Грекъ привелъ для примѣра множество ошибокъ, нелѣпыхъ мнѣній и еретическихъ мыслей, находившихся въ богослужебныхъ книгахъ и исправленныхъ имъ сообразно съ истиною, но къ большому огорченію и смущенію русскихъ. „Дрожь великая постигала и ужасъ напалъ на меня“, говорилъ писецъ М. Медоварцевъ, когда М. Грекъ велѣлъ ему загладить нѣсколько строкъ въ одной церковно-богослужебной книгѣ. Нѣтъ нужды перечислять всѣ неправильности: достаточно указать на тѣ изъ нихъ, которыя приведены преп. Максимомъ для доказательства испорченности книгъ, чему русскіе, по своему невѣжеству и самомнѣнію, не вѣрили и за что были недовольны на преп. Максима, смѣло, во всеуслышаніе и рѣзко заявлявшаго о растлѣнности богослужебныхъ книгъ. По указанію преп. Максима, въ книги вошли, вслѣдствіе ошибокъ переписчиковъ, еретическія мысли, состоявшія между прочимъ, въ признаніи въ І. Христѣ одного человѣческаго естества и причисленіи Его къ созданнымъ существамъ (аріанство): Бога Отца называютъ собезматерна Сыну; плоть І. Христа называли неописуемою. По поводу допущенныхъ ошибокъ преп. Максимомъ написаны цѣлые трактаты, отличающіеся основательностію и убѣдительностью (напр. о „неописуемой плоти“, III т., 67—72). Для исправленія книгъ и предотвращенія ошибокъ въ такомъ важномъ дѣлѣ, чрезъ которое христіане надѣются спасеніе получити, преп. Максимъ Грекъ предлагаетъ необходимое средство *просвѣщеніе* и въ частности знаніе греческаго языка, зѣло хитрѣйша.

Плодомъ книжнаго исправленія явилось у преп. Максима не мало толкованій отдѣльныхъ текстовъ и изреченій священнаго писанія въ разъясненіе разныхъ недоумѣній и суевѣрныхъ представленій русскихъ при чтеніи и слышаніи Библіи и при вниканіи въ смыслъ церковнаго богослуженія. На основаніи имѣющихся опытовъ экзегиза преп. Максима, слѣдуетъ признать то, что преп. Максимъ Грекъ держался способа толкованія эклектическаго, т. е. соединялъ три способа объясненія— аналогическій, аллегорическій и буквальный: объясненія его отличаются ясностью: многія изъ толкованій преп. Максима не потеряли своего значенія и въ настоящее время, какъ напр. опроверженіе на основаніи евангелія ложнаго взгляда о томъ, „яко во всю свѣтлую недѣлю солнце, не заходя, стояло и того ради глаголютъ единъ день свѣтлую недѣлю“ *). Нужно замѣтить, что взглядъ этотъ можно услышать и въ настоящее время среди простаго народа. Къ числу остроумныхъ, умѣстныхъ и разумныхъ объясненій нужно отнести разсужденіе преп. Максима (1 кор. 12, 7) о различіи духовныхъ дарованій, даваемыхъ Богомъ каждому, представленное имъ для защиты отъ обвиненій со стороны враговъ его, говорившихъ: „велію, о человѣче, досаду тѣмъ дѣлаешь, (исправленіемъ книгъ) прилагаешь возсіявшимъ въ нашей землѣ преподобнѣйшимъ чудотворцамъ; они бо сицевыми священными книгами благоугодима Богови, и живуще, и по преставленіихъ, отъ него прославишася святынею и всяческихъ чюдесъ дѣйствомъ“. Въ отвѣтъ на жалобы русскихъ преп. отецъ писалъ: „Къ симъ же не азъ, но самъ блаженный Павелъ да отвѣщаетъ имъ и да научитъ ихъ, святымъ Духомъ сице нѣкако глаголя: коемуждо же дается явленіе Духа на пользу: овому

*) Сочин. М. Грек. III, 164—169.

бо Духомъ дается слово премудрости, овому же слово разума въ томъ же Дусѣ, другому же вѣра тѣмъ же Духомъ, иному же дарованія исцѣленій въ томъ же Дусѣ, другому же дѣйствія силамъ, иному же пророчество, другому же разсужденія духовомъ, иному же роди языкомъ: вся же сія дѣйствуетъ единъ и той же Духъ, раздѣляя властію коемуждо, яко же хощетъ. Отъ сихъ убо явлено, яко не всякому вся вкупѣ духовная дарованія даются; а яко убо святіи чюдотворцы рустіи, по дарованію, данному имъ свыше, возсіяша въ боговѣрнѣй земли рустѣй, богоносніи отцы и быша и суть, и азъ исповѣдаю и покланяюся имъ, аки вѣрнымъ Божіимъ угодникамъ; но ниже и роди языкомъ и сказаніе ихъ пріяша свыше. Сего ради не достоитъ дивитися, аще утаися ихъ, таковыхъ сущихъ, исправленіе еще нынѣ мною исправляемыхъ описей. Онѣмъ убо, апостолодержательнаго ради ихъ смиреномудрія и кротости и житія святолѣпнаго, дадеся дарованіе исцѣленій, чюдесъ предивныхъ; иному же, аще и грѣшенъ есть паче всѣхъ земнородныхъ, даровася языкомъ разумъ и сказаніе, и дивитися о томъ не подобаетъ. Елма же и скотина безсловесна, бывши вразумлена Божіимъ мановеніемъ, возможе оцѣломудрити старца многоразумна; много же разлукуетъ скота неразумнаго человѣкъ, по образу Божію и по подобію Божію рукою созданъ бывшій, тако Богъ есть оправдалъ, яко человѣкомъ отъ человѣкъ паки исправлятися"?

„Ни едина убо досада прибудетъ преподобнымъ чюдотворцамъ русскимъ исправленіемъ книжнымъ, елма ниже бывшимъ во временахъ гоненіихъ святѣйшимъ Божіимъ архіереомъ и мученикомъ ни единъ поносъ, или досаженіе прибисть отъ бывшихъ послѣ ихъ различныхъ исправленій святаго писанія ветхаго завѣта,

Симмахомъ и Ѳеодотіонамъ и Акилою и Лукіаномъ, пресвитерамъ антіохійскимъ, коемуждо исправляющу презрѣнная прежде его бывшимъ преводникомъ. Но и о семъ убо толика довлѣютъ, поелику предъ праведнымъ и богоразсуднымъ архіереомъ Вышняго стязаются словесы противу клевещущихъ мя напрасно. Аще убо будетъ что глаголано добрѣ и прямо, благодареніе Богу, учащему человѣка разуму, аще ли же ни, по прочтеніи сего слова, раздравъ бумагу, верзи въ огнь, а мене худоумнаго поучати святительски вкупѣ и отечески благоизволи! Радъ есмь исправленію, не отрицаюся обличеній, изъ любви духовныя происходящихъ".

Вопросъ о книжномъ исправленіи, пробудивши вниманіе русскаго общества и окончившійся неблагополучно для виновника его, принадлежалъ по своей иниціативѣ преп. Максиму Греку. Ему же принадлежало оживленіе и болѣе широкая постановка другаго важнаго вопроса о неприличіи черному духовенству владѣть и управлять вотчинными и земельными имуществами.

4) *Вопросъ объ умѣстности, или неприличіи монастырямъ владѣть и управлять населенными вотчинами и земельными имуществами* возникъ до прибытія преп. Максима въ Россію; иниціатива возбужденія означеннаго вопроса принадлежала преп. Нилу Сорскому и заволжскимъ пустынножителямъ; они же осуждали и отрицали право монастырей на владѣнія вотчинами, доказывая вредъ отъ владѣнія и управленія имуществами и особенно несообразность съ обѣтами иноковъ о нестяжательности и удаленіи отъ мірскихъ дѣлъ и хозяйственныхъ отношеній. Но еще болѣе было защитниковъ права и обычая монастырей владѣть церковными вотчинами, доказывавшихъ необходимость, неприкосновенность и пользу полнаго матеріальнаго обезпеченія и

довольства общежительныхъ монастырей въ цѣляхъ лучшаго благоустройства и благотворительности, соотвѣтственно съ волею основателей, жертвователей и вкладчиковъ. Хотя на соборѣ 1503 г. существовавшій ненормальный въ принципѣ, но утвердившійся на практикѣ, порядокъ былъ подтвержденъ большинствомъ голосовъ и волею вел. князя Ивана Васильевича III, въ ущербъ государственнымъ хозяйственнымъ интересамъ и нуждамъ, однако борьба и полемика между противниками и защитниками монастырскихъ имуществъ продолжалась и при Максимѣ Грекѣ.

Участіе преп. Максима Грека въ этомъ весьма важномъ вопросѣ выразилось въ томъ, что преп. отецъ, подобно преп. Нилу Сорскому и иноку князю Вассіану Косому, настойчиво, рѣзко и постоянно, при малѣйшемъ, отдаленномъ поводѣ, высказывалъ свой взглядъ на незаконность, неприличіе и вредъ отъ владѣнія и управленія монастырскими вотчинами. Непріятенъ былъ для защитниковъ монастырскихъ имуществъ (Іосифлянъ, м. Даніила и др.) протестъ такого извѣстнаго и авторитетнаго лица, какъ преп. Максимъ, представитель греческой церкви; но еще болѣе противникамъ преп. Максима тяжело, досадно и обидно было слышать указаніе преп. отца на жизнь католическихъ монаховъ, какъ примѣръ для подражанія русскимъ въ способахъ содержанія, вмѣсто готоваго обезпеченія, равно какъ и въ другихъ отношеніяхъ (соблюденія общежительнаго устава, умѣренность, нестяжательность, трезвый образъ жизни, занятія книгами и т. п.). Преп. Максиму, въ бытность его въ Италіи, особенно понравились порядки и высоконравственная жизнь двухъ латинскихъ обителей—Шатрской (основ. въ XI в.) и обители св. еванг. Марка во Флоренціи. „Нѣсть у нихъ ничтоже свое“.

говоритъ преп. Максимъ о монахахъ первой обители, „но вся обща. Нестяжаніе же любятъ, аки веліе богодуховное, соблюдетъ бо ихъ въ тишинѣ и всякой правдѣ и непоколебаніи помысламъ". Чѣмъ же они содержатся? „По вся дни настоятель обители отпущаетъ мниха два, имуща каждо мѣхъ льняной на лѣвомъ плечи висящь, иже вшедше во градъ обходятъ домы сущія во единой улицѣ и просятъ о имени Господни хлѣбы на братію, и наполнивше мѣхи чистыхъ пшеничныхъ хлѣбовъ, возвращаются въ обитель свою. Симъ образомъ по вся дни добываютъ себѣ вседневную пищу, премѣняюще улицы градскія *). Образецъ идеальнаго монаха-проповѣдника, подвижника и мученика преп. Максимъ представлялъ въ Іеронимѣ Саванароллѣ **), своемъ учителѣ. Полное выраженіе мыслей о неудобствахъ и неприличіи владѣнія вотчинами преп. отецъ выразилъ въ бесѣдѣ между актимономъ-нестяжательнымъ и филоктимономъ-любостяжательнымъ". Еще болѣе рѣзкимъ тономъ говоритъ онъ о несовмѣстности съ обѣтами иноческими многосложныхъ дѣлъ управленія селами и деревнями. Мы же глаголемія Евангельстіи ученицы, пишетъ онъ,—имъ же тщаніе есть взыти въ совершенство еже по Бозѣ житія, его же ради отрицаемся самоизвольнѣ всѣхъ красныхъ міра сего суетнаго, внегда обѣщаемся Богу предъ избранными Ангелы Его, по святыхъ Его заповѣдехъ устроити оставшее житія нашего со всякимъ смиренномудріемъ, правдою же и преподобіемъ. Христоподобнымъ же убожествомъ и кротостію,—тожъ обѣтъ нашихъ забывше и аки ничтоже возмнѣвше ихъ, стяжанія паки себѣ и стада всяческихъ скотъ, якоже и въ первомъ мірскомъ житіи, тщимся всегда пристяжати,

*) Прпб. къ твор св. отц 1859, 503—527.

**) Твор. преп. Макс. Грек., т. III, 194—205

и злато и сребро себѣ скопити на земли со всякимъ неправдованіемъ и лихоимствомъ беззаконныхъ ростовъ, Евангельстѣй заповѣди сицевыя богомерзкія прибытки крѣпце отричющей; и въ безчисленныхъ печалехъ паки и житейскихъ молвахъ, тяжбахъ же и сварѣхъ себе влагаемъ, равнѣ держащимся мірскаго житія...“ Напрасно Филоктимонъ говоритъ своему собесѣднику: „ни едино намъ прибываетъ осужденіе отъ еже стяжати имѣнія, и владѣти землями и селы: ничтоже бо никому же свое есть, ниже лѣть кому взяти что отъ сихъ, и индѣ отнести; его же ради мы достойни есмы нарицатися суще нестяжательни“. Актимонъ не принимаетъ такого оправданія, и отражаетъ его словами Апостола: „никто же воинствуя сплетается куплями житейскими“. Защитникъ нестяжательности не усомнился даже предложить примѣръ описаннаго имъ ордена для подражанія русскимъ монастырямъ. „Латыне, пишетъ онъ, аще и во многихъ соблазнилися, чюждая нѣкая и странная ученія приводяще отъ сущаго въ нихъ многоученаго Еллинскаго (языческаго) наказанія прельщаеми, но и не до конца отпадаютъ вѣры и надежи и любве, яже во Спаса Христа, его же ради по святымъ Его заповѣдемъ уставляютъ прилежно иноческое ихъ пребываніе сущіи у нихъ мнихи, ихъ-же единомудренное и братолюбное и нестяжательное и молчаливое и безпечальное подобаетъ намъ подрожати, да не обрящемся ихъ вторіи... Сія же пишу не яко да покажу латинскую вѣру чисту, совершенну и прямо ходящу во всѣхъ: да не будетъ на мнѣ таково безуміе! Но яко да покажу православнымъ, яко и не у правомудренныхъ латынехъ есть попеченіе и прилѣжаніе Евангельскихъ спасительныхъ заповѣдей и ревность за вѣру Спаса Христа“ *).

*) Прибл. къ Твор. св. Отц. 1851 г., ч. X, 516—17 стр.

Если, по изображенію преп. Максима, весьма невысоко стояло въ умственномъ и нравственномъ отношеніи монашество, считавшееся тогда болѣе грамотнымъ и даже культурнымъ классомъ, то недостатки нравственные были особенно замѣтны во всемъ остальномъ обществѣ. Въ сочиненіяхъ преп. Максима и въ большомъ количествѣ спеціально написанныхъ въ обличеніе нравственныхъ недостатковъ трактатахъ указывается на слѣдующіе пороки: 1) на лицемѣріе, скрывавшее недостатокъ или отсутствіе истиннаго благочестія, 2) на лихоимство и неправосудіе начальниковъ, управителей и судей—съ одной стороны и на хищенія и насилія среди остальныхъ классовъ общества, не исключая и духовенства—съ другой.

5) *Взглядъ преп. Максима на нравственное состояніе русскаго общества.* Такъ какъ нравственность стоитъ въ зависимости отъ степени развитія, то при упадкѣ просвѣщенія былъ упадокъ и нравственности. Наглядным выраженіемъ этого упадка были эгоизмъ и чувственность. Во главѣ нарушителей нравственности преп. Максимъ безбоязненно ставитъ князей съ ихъ совѣтниками. Мысли о разстроенномъ состояніи Россіи въ то время преп. Максимъ изобразилъ въ аллегорической формѣ, подъ образомъ жены, отвѣчавшей на вопросы путника. Въ повѣсти представлена жена сидѣвшею на дорогѣ въ траурной одеждѣ, окруженною хищными звѣрями и плакавшею. Нехотя и безнадежно женщина отвѣчаетъ на разспросы: „мои несчастія, говоритъ она, не токмо не удобь сказаема суть, но и отнюдь неисцѣльно отъ человѣковъ“. Уступая однакожъ просьбѣ путника, она говоритъ: „я одна изъ благородныхъ и славныхъ дщерей царя и содѣтеля Владыки; имя мое Василія (царство)... Меня, дщерь царя и содетеля всѣхъ, ста-

раются подручить себѣ всѣ славолюбцы и сластолюбцы; весьма мало у меня истинныхъ рачителей, которые бы, достойно Отца моего и моего царскаго имени, заботились о дѣлахъ людей, живущихъ на землѣ; большая же часть, одолѣваемые сребролюбіемъ и лихоимствомъ, лютѣйшимъ образомъ морятъ подвластныхъ всякими истязаніями". Указавъ на угрозы въ словѣ Божіемъ противъ неправедно начальствующихъ, она говоритъ: „пренебрегая все это, сущіи во властѣхъ беззаконно и противно пируютъ нынѣ съ гуслями, сурнами, тимпанами, смѣхотвореніемъ, сквернословіемъ и буесловіемъ... Нѣтъ у меня, говоритъ жена, поборающихъ по мнѣ, въ ревности Божіей; нѣтъ іерея Вышняго, великаго Самуила, съ дерзновеніемъ ополчившагося противъ преступника Саула; нѣтъ Наѳана, мудрою притчею исцѣлившаго царя Давида и спасшаго его отъ лютаго паденія; нѣтъ ревнителей, подобныхъ Иліи и Елисею *). Содержаніемъ означенной притчи ясно указывалось на недостатки и произволъ царя.

Поведенію и образу правленія царя подражали правители и судьи, не только позволявшіе всякія обиды и притѣсненія, но и придумывавшіе преступленія и обвиненія противъ богатыхъ лицъ и даже цѣлыхъ обществъ (городскихъ и сельскихъ) для разграбленія ихъ имуществъ и извлеченія выгодъ.

По адресу духовенства преп. Максимъ дѣлаетъ укоръ, что оно не учитъ народъ и не даетъ своею жизнію хорошаго примѣра для подражанія. „Нѣтъ ни одного, говоритъ Максимъ въ одномъ сочиненіи, кто-бы изъ пастырей училъ прилежно; нѣсть ни единъ, учай прилежнѣ, ни наказуя безчинныя, никто же утѣшая молодушныя,

*) Соч Максима Грека, т 2, стр 319—337; Порфирьевъ Истор рус словесности ч 1, 528—529

никто же заступяй и прилежа о немощныхъ, никто же обличай противящихся слову благочестія, никто же запрещаяй безстуднымъ. никто же обращаяй заблудшихъ отъ истины и честнаго житія христіанскаго, никто же за совершенное смиренномудріе отбѣгаетъ священническихъ санъ, ниже по божественной ревности взыщетъ ихъ: да люди беззаконнующія и безчинствующая исправить. Но сопротивное паче обрящеши нынѣ дерзаемо: вси готови дары великими сихъ купити, да въ отрадѣ и славѣ и всякомъ покоѣ всегда живутъ... вси уклонишася отъ спасительнаго пути евангельскихъ заповѣдей.... вкупѣ не потребни быша рекше и житіемъ, и словомъ, и дѣломъ. а еже по сихъ вслѣдуетъ, молчаніемъ миную, щадя негодующихъ слову же и дерзновенію и ревности, яже по истинѣ. О како, восклицаетъ Максимъ, о како кто достойнѣ восплачетъ достигшую нынѣ родъ нашъ тьму!“ *).

Но съ особенною грустію Максимъ Грекъ отзывался о недостаткахъ русскаго монашества; мысли объ испорченности монашеской жизни находятся во многихъ сочиненіяхъ Максима Грека, иногда даже не къ дѣлу.

Въ своей строгости ко всѣмъ ненормальнымъ явленіямъ русскаго общества преп. Максимъ Грекъ былъ послѣдователенъ: строгого отношенія онъ требовалъ къ еретикамъ, увеличивавшимъ и безъ того большія нестроенія Россіи XVI в.

6) *Вопросъ объ отношеніи къ еретикамъ.* Вопросъ объ отношеніи къ русскимъ еретикамъ возникъ по поводу ереси жидовствующихъ въ концѣ XV и началѣ XVI в.: когда была ересь стригольниковъ (въ 1371—1395 г.). тогда строгое отношеніе правительства къ приверженцамъ и пропагандистамъ этой ереси не возбуждало ни-

*) Соч Максима Грека, т II, стр 139—140.

какого возраженія и разномыслія со стороны духовенства, монашества и свѣтскихъ людей; напротивъ, во время розыска, преслѣдованія и наказанія приверженцевъ ереси жидовствующихъ возникаетъ, подобно спору о церковныхъ имуществахъ, перешедшій въ полемику, споръ о томъ, какъ нужно относиться къ еретикамъ—строго, или снисходительно, подвергать-ли ихъ смертной казни, или ограничиваться заточеніемъ и другими болѣе легкими наказаніями. Защитники строгихъ карательныхъ мѣръ во главѣ съ преп. Іосифомъ Волоколамскимъ восторжествовали на соборѣ 1503 г. надъ своими противниками съ инокомъ Вассіаномъ Косымъ во главѣ, внесшимъ въ полемику по сему предмету рѣзкій, личный элементъ. Такъ какъ полемика по означенному вопросу не прекращалась и послѣ собора 1503 г., приверженцы ереси были: то преп. Максиму Греку, какъ лицу новому и авторитетному, необходимо было высказать свой взглядъ на долженствующій канонической характеръ отношенія церковно-гражданской власти къ еретикамъ разнаго рода. Взглядъ пред. Максима былъ солидаренъ съ господствовавшимъ, подтвержденнымъ на соборѣ 1503. По опредѣленію собора, во избѣжаніе совращенія со стороны жидовствующихъ, еретиковъ заключали въ темницы, гдѣ они и умирали; не довѣряли даже раскаянію многихъ, вопреки церковнымъ правиламъ.

Свой взглядъ на строгое отношеніе къ еретикамъ преп. отецъ высказалъ въ сочиненіи. „Совѣты къ православному собору на Исаака, жидовина“, написанномъ въ 1520 году для предполагавшагося (и бывшаго) въ 1520 г. собора на еретика. На основаніи примѣровъ ветхозавѣтныхъ праведниковъ (Моисея, Финееса, прор. Иліи, Елисея) и ревностнаго поступка святителя позд-

нѣйшаго времени (еп. Льва Катанскаго. † 795 г., сжегшаго еретика Иліодора), преп. Максимъ доказываетъ пользу и необходимость казненія еретиковъ. Посему, совѣтуетъ преп. отецъ, „единомудренно и единодушно, съ приличнымъ дерзновеніемъ подлежитъ православнымъ святителемъ предать смутившаго Спасову паству (еретика-жидовина) внѣшней власти въ казнь, да и иные накажутся не приложити имъ смущати овцы Спасовы, ни приложити въ землю нашу православную (нельзя терпѣть?) Кое бо сообщеніе вѣрну съ безвѣрникомъ?

Они распяли (Того), Ему же мы поклоняемся и Имъ же спасаемся: они безпрестанно кленутъ (Того), Его же мы, день и нощь благославляемъ и славимъ со Отцемъ и св. Духомъ. Соблюдите землю нашу чисту и невредиму отъ таковыхъ псовъ“ *).

Итакъ, въ вопросѣ объ отношеніи къ еретикамъ преп. Максимъ расходился со взглядами на этотъ предметъ заволжскихъ старцевъ, къ которымъ онъ относился въ качествѣ единомышленника въ другихъ вопросахъ. Это можетъ указывать на самостоятельность и независимость убѣжденій преп. Максима Грека, равно какъ и на солидарность его съ грековосточнымъ церковнымъ законадательствомъ объ отношеніи къ еретикамъ, но допустить можно и то предположеніе, что высказанный взглядъ преп. отца относится къ раннѣйшему, начальному періоду дѣятельности преп. Максима Грека въ Россіи, когда онъ, подъ вліяніемъ гостепріимства и милостей великаго князя, не могъ противорѣчить господствовавшему каноническому праву; но впослѣдствіи, подъ вліяніемъ свободолюбивыхъ заволожскихъ иноковъ и своей личной злополучной судьбы (въ роли мнимаго еретика) преп. отецъ могъ болѣе снисходительно отно-

*) Соч Максима Грека, т III, стр 51—55

ситься къ разсматриваемому вопросу; позднѣйшаго взгляда его на означенный предметъ мы не находимъ въ сочиненіяхъ преп. отца.

Преп. отецъ. быть можетъ, не высказалъ своего взгляда на надлежащее отношеніе къ еретикамъ во избѣжаніе противорѣчія прежнему своему образу мыслей.

7) *Отношеніе къ иновѣрцамъ.*—Преп. Максимъ Грекъ строго относился къ иновѣрцамъ, какъ отпадшимъ отъ православія и могшимъ увлекать въ свою вѣру не опытныхъ русскихъ.

Въ то время начали проникать въ Россію раціоналистическія идеи. которыя, будучи порождены реформаціею на Западѣ, увлекали своею новизною и легкостію сужденія многихъ русскихъ, интересовавшихся религіозно-церковными вопросами; продолжала дѣйствовать пропаганда католическая, усилившаяся для ослабленія замѣтнаго вліянія лютеранства. Противъ лютеранъ и католиковъ преп. Максимъ Грекъ сильно вооружается, предостерегая русскихъ отъ увлеченія заблужденіями тѣхъ и другихъ.

Въ написанныхъ противъ латинянъ многихъ трактатахъ преп. Максимъ Грекъ обличаетъ ихъ въ отступленіи отъ древне-вселенской церкви, начиная отъ измѣненія никеоцареградскаго символа и кончая внѣшними правилами церковной дисциплины. Причину всѣхъ заблужденій западной церкви полемистъ усматриваетъ въ дерзновенномъ направленіи латинянъ—измѣнять то, преданное и неприкосновенное, церковное ученіе, которое утверждено свв. отцами и вселенскими соборами. Сюда относятся: ложное ученіе римской церкви объ исхожденіи Св. Духа отъ Сына, употребленіе опрѣсноковъ, ученіе о чистилищѣ (чистительный пламень), запрещеніе вступать въ бракъ бѣлому духовенству. Эти заблужде-

нія преп. Максимъ считаетъ главными препятствіями къ соединенію церквей, а первыя три причисляетъ къ числу ересей. Разбирая каждое изъ нихъ отдѣльно, онъ повсюду проводитъ ту мысль, что догматы вѣры, основанные на ученіи св. Писанія, вселенскихъ соборовъ и отцовъ церкви, неизмѣняемы, что всякое уклоненіе отъ установленнаго догмата есть уклоненіе на путь погибели: „еже подвигнути нѣчто малѣйшее отъ ученій вѣры, или премѣнити, превеликихъ есть отрицаніе и жизни вѣчныя отпаденіе“ *). Такъ какъ латиняне не только измѣняютъ установленные догматы, но и вводятъ новое ученіе, то Максимъ называетъ ихъ еретиками и соединеніе съ ними считаетъ невозможнымъ“. „А вы, латинане, говоритъ онъ, измѣняющіе и развращающіе не только изложенное св. апостолами и священными соборами исповѣданіе православной вѣры, но и многія ихъ священныя преданія церковныя, достойны называться не только раскольниками, но и отчасти еретиками, какъ преступники отеческихъ правилъ и преданій“ **).

Нужно замѣтить, что преп. Максимъ придавалъ большое преувеличенное значеніе второстепеннымъ уклоненіямъ латинянъ отъ православной церкви, раздѣляя односторонній взглядъ какъ греческихъ, такъ русскихъ полемистовъ, увлекавшихся въ своихъ рѣчахъ о противникахъ до крайности. Нужно, впрочемъ, сказать, что полемика преп. Максима имѣла не одинъ теоретическій характеръ, но практически-жизненный: потому что Максимъ Грекъ имѣлъ въ виду ревностнаго пропагандиста латинскихъ заблужденій, доктора (при великомъ князѣ В. Ивановичѣ) Николая Нѣмчина (Булевъ, или Люевъ), словомъ, писаніями и интри-

*) Соч Максима Грека, ч I, стр 242
**) Порфир Истор Рус Сюв. т I, стр 521—2

гами старавшагося представить въ глазахъ русскихъ свое вѣроисповѣданіе въ лучшемъ видѣ (единѣ быти тщася показати вѣрѣ обоимъ, т. е. обезразличивалъ оба вѣроисповѣданія), съ цѣлію соединенія церквей для совокупной борьбы противъ успѣховъ лютеранства *). Стремленіе Н. Нѣмчина представить дѣло соединенія церквей легкимъ и достижимымъ вызывалось подозрительностью и уклончивостью русскихъ отъ католицизма, мѣшавшими успѣхамъ его среди русскихъ въ центрѣ страны—Москвѣ.

Хотя противъ лютеранъ, проживавшихъ тогда въ Россіи и даже Москвѣ въ качествѣ художниковъ, врачей, ремесленниковъ, торговцевъ и солдатъ, преп. Максимъ написалъ только два сочиненія, однако по своей рѣзкости они обнаруживаютъ въ авторѣ строгаго обличителя лютеранскихъ заблужденій; полемистъ лютеранъ называетъ еретиками. Рѣзкость полемики преп. отца нужно объяснить, помимо глубокаго уклоненія лютеранъ отъ истинной вѣры, болѣе снисходительнымъ отношеніемъ русскаго правительства къ послѣдователямъ реформаціи, нежели къ католикамъ,—снисхожденіемъ, по взгляду полемиста, незаслуженнымъ. Дѣло въ томъ, что лютеранамъ было позволено имѣть свои школы, молитвенные дома и церкви за городскою чертою во избѣжаніе пропаганды, которая имъ, какъ и сближеніе съ ними русскихъ, воспрещалась.

Въ противо-лютеранской полемикѣ преп. Максимъ Грекъ касается не теоретической стороны лютеранства, какъ напр. значенія св. Писанія и Преданія, какъ источниковъ и критеріевъ христіанскихъ догматовъ, каноновъ и учрежденій, взаимнаго ихъ отношенія и т. п., а внѣш-

*) Соч Максима Грека, т I. стр 202, 186, 196, 200, 229, 466, 527. 180—213, 213—235, 267—323, 323—342, 509

ней, видимой, обрядовой стороны вѣры, какъ болѣе понятной для русскихъ, но искаженной послѣдователями реформаціи; не касается полемистъ и исторической стороны, обусловливавшей происхожденіе лютеранства, отчего полемика преп. Максима страдаетъ односторонностію. Преп. Максимъ ограничивается разборомъ внѣшняго культа христіанства, значеніе котораго доведено у лютеранъ до отрицанія. Сюда относятся: почитаніе святыхъ, иконопочитаніе, почитаніе св. мощей, поклоненіе св. кресту, украшеніе св. храмовъ; всѣмъ этимъ свящ. предметамъ преп. отецъ придаетъ религіозно-воспитательное значеніе, какъ внѣшнему выраженію нашей вѣры, восполняющему внутреннее благоговѣніе и живое участіе въ совершающейся благодати. Въ противоположность ученію лютеранъ, преп. Максимъ указываетъ на употребленіе подобныхъ прообразовательныхъ свящ. предметовъ (жезлъ Ааронов, изображеніе Херувимовъ. стамна съ манною, мощи и гробы праведниковъ) въ ветхозавѣтномъ богослуженіи, скиніи и особенно въ древне-вселенской церковной богослужебной практикѣ,— невѣрно и незаконно отвергнутой лютеранами. „О безумніи, говоритъ преп. Максимъ, діавола корысть, грѣховніи внуцы, прелести пища, нечестія тма, геенны наслѣдники и гребцы нечестіа, законопопратели, и другъ друга скоріе лукавству поучаются, празднуете нечестивѣ, мудрьствуете не преподобнѣ, и вмѣсто славы хулитися имени Господню устроисте! То ли есть свѣтъ вашъ предъ человѣкы? не свѣтъ бо, но тма явися. Въистину людіе сіи буи, и немудри! Ослѣпи бо ихъ злоба ихъ; видяще не видятъ, слышяще не слышать, сердце ихъ суетно, не дасть разумѣти таинъ Божіихъ. Не мала бо вашя хитрованія, но немощна, аще и велика и тучна и румяна здравымъ лицемъ являются; сердце бо нѣсть въ ней и

они больны, нозѣ не поступнѣ и рущѣ не крѣпко служатъ, языкъ на брань скоръ, поглотити хощетъ, но уста затворяются, послѣди же и самъ сномъ обдержится. Глаголетъ бо Писаніе: аще кто противится Божіи волѣ и святыхъ его апостолъ ученію и нашыхъ православныхъ словесъ писанію, того не пріемлите въ домъ свой и радоватися ему не глаголите; глаголяй бо ему радоватися пріобщается дѣлъ его злыхъ *).

Приведенныя мысли преп. Максима извлечены изъ перваго сочиненія его „Слова на Люторы“, извѣстнаго и подъ другимъ заглавіемъ: „Слово о поклоненіи святыхъ иконъ“. Другое сочиненіе преп. отца противъ лютеранъ озаглавливается: „Слово на хульники пречистыя Божіея Матери. Послѣднее „Слово“ не соотвѣтствуетъ ни своему содержанію, ни назначенію. Дѣло въ томъ, что полемистъ вооружается противъ тѣхъ христіанъ неправославнаго образа мыслей, которые держатся особенныхъ, отличныхъ отъ нашихъ, представленій о достоинствахъ Божіей Матери; мнѣнія эти можно назвать заблужденіями, но отнюдь не хульными, какими считалъ преп. Максимъ въ порывѣ увлеченія; тѣмъ болѣе несправедливо причислять къ хульникамъ Богоматери лютеранъ, не отвергавшихъ ея святости, славы и досточтимости; не отвергали и не отвергаютъ тѣхъ же достоинствъ и лютеранскіе богословы, утверждая только, что пресвятая Дѣва Марія, равно какъ и всѣ святые Божіи, non sunt religiose, suppliciter et fiducialiter invocandi aut adorandi. Конечно, говоритъ М. Лютеръ, Божія Матерь была чистая, св. Дѣва, благословенная въ женахъ, какъ величалъ ее Ангелъ, и какъ сама она говорила въ своей пѣснѣ: „отнынѣ ублажатъ Мя

*) Соч Максима Грека. т. I, стр 493—4

вси роди"; мы высоко уважаемъ пресвятую Дѣву: но она не страдала за насъ, не распялась за насъ. Христосъ искупилъ насъ своими страданіями и молился за насъ на крестѣ". Это говорилъ М. Лютеръ въ опроверженіе папистовъ, приписывавшихъ, по его мнѣнію. Богоматери величіе и славу, принадлежащія одному Богу. Между тѣмъ преп. Максимъ Грекъ относился въ вопросѣ о почитаніи Божіей Матери одинаково, какъ къ лютеранамъ, такъ и другимъ инославнымъ христіанамъ, хотя и менѣе благоговѣйно почитавшимъ Богоматерь, но всетаки не хулившимъ ея. На основаніи этого можно думать, что второе „Слово" преп. Максима направлено было противъ тѣхъ, кто думаетъ учить о Богоматери несогласно съ православною церковью, унижая ея достоинства; къ какимъ „хулителямъ" принадлежали и русскіе „жидовствующіе". не исключая и магометанъ, извращавшихъ христіанскую исторію и догматы.

Преп. Максимъ обличаетъ заблужденія тѣхъ, „которые отмѣтаютъ неприкладныя высоты, святости и славы пречистыя и всепѣтыя Божія Матери, высшія небесъ и и всѣхъ небесныхъ умныхъ силъ, иже глаголетъ: тогда точію бывшу ея святу и преславну, въ елико время ношаше въ пречистѣй утробѣ ея Еммануила, а по еже родити и отдоити Его, бывшу прочее ея акы едину отъ прочихъ женъ?" Приведенныя и подобныя невѣрныя мнѣнія преп. отецъ опровергаетъ многоразличными ссылками на ветхозавѣтныя пророчества и прообразы, которые, по объясненіямъ отеческимъ, относятся къ Божіей Матери, которая и прежде, еже зачати Еммануила и во чревѣ носити, и поеже родити Его, и по своемъ священномъ преставленіи , славна бѣ, и есть выну, и будетъ, и елика, аще проситъ у Сына и Творца своего,

вся сильна есть совершити призывающимъ ея на помощь съ вѣрою и надеждою твердою *).

Преп. Максиму Греку нѣкоторые ученые приписываютъ еще 3 слова противъ лютеранъ, содержаніе которыхъ состоитъ въ разъясненіи, во 1-хъ, того, какой въ естествѣ человѣческомъ первый грѣхъ, во 2-хъ, въ опроверженіи того, яко плотскимъ совокупленіемъ и рождествомъ хотяша многожитися человѣческій родъ, аще и не согрѣшиша бы праотцы, и въ 3-хъ, того мнѣнія, будто Адамъ далъ діаволу рукописаніе (росписку) вѣчнаго рабства. Принадлежность названныхъ „словъ" преп. Максиму несомнѣнна, но по содержанію своему, какъ не вѣроисповѣдному, „слова" эти относятся къ тѣмъ многочисленнымъ праздным баснямъ и сказаніямъ (изъ отреченныхъ книгъ), которыя были оч. распространены между нашими простодушными и довѣрчивыми предками *).

Чѣмъ объясняется малочисленность полемическихъ трудовъ преп. Максима противъ лютеранъ въ сравненіи съ значительнымъ количествомъ ихъ противъ латинянъ въ виду болѣе глубокаго принципіальнаго уклоненія лютеранства отъ грековосточнаго православія, чѣмъ католичества, и въ виду того особенно, что въ концѣ XV в. и XVI в., во время пребыванія полемиста, въ Россіи замѣтно было вліяніе реформаціи на умонастроеніе многихъ личностей, тогда какъ послѣдователи латинтсва стояли одиноко, несмотря на усиленную, хотя и тайную, но безуспѣшную пропаганду? Вопросъ очень важный для характеристики преп. Максима, въ сужденіи о которомъ не всѣ ученые согласны.

Вопросъ этотъ нельзя объяснить ни случайностью,

*) Соч преп Максима Грека, т I, стр. 495—509
*) Труд Кіев акад 1864 г, т I, стр 25—30

ни тѣмъ предположеніемъ, что преп. Максиму Греку, какъ учившемуся въ заграничныхъ католическихъ школахъ и путешествовавшему по западу, лучше было извѣстно латинство, нежели лютеранство: что лучше зналъ, о томъ и писалъ. Не удовлетворительно и другое болѣе основательное предположеніе, состоящее въ томъ, что, можетъ быть, преп. Максимъ слишкомъ усердно стоялъ на охраненіи русскихъ интересовъ, которымъ могъ угрожать католицизмъ, какъ церковно-политическая система, стремившаяся къ господству надъ свѣтскою властію государей, каковое стремленіе папъ шло въ разрѣзъ съ политикою московскихъ князей, успѣшно боровшихся тогда за идею самодержавія и централизаціи: потому что опасенія этого весьма естественнаго нельзя находить ни въ сочиненіяхъ преп. Максима Грека, ни выводить изъ нихъ.

Есть данныя, на основаніи которыхъ можно приписывать преп. Максиму Греку сочувствіе современному ему движенію умовъ, породившему реформацію и лютеранство. Страннымъ можетъ представиться такое предположеніе для объясненія высказаннаго недоумѣнія о малочисленности противолютеранскихъ сочиненій, но изъ сопоставленія нижеслѣдующихъ соображеній наше предположеніе можетъ получить большую степень вѣроятности.

Что преп. Максимъ питалъ нерасположеніе къ латинству—это ясно; противъ латинства говорили, писали и вооружались лучшіе передовые люди, къ которымъ принадлежалъ преп. отецъ по своимъ чистымъ нравственнымъ и вѣроисповѣднымъ воззрѣніямъ; не хороша была система латинства, но еще хуже были представители ея, далеко отстоявшіе отъ христіанскаго идеала: на судьбѣ Іеронима Савонароллы, своего учителя и

вдохновителя, онъ видѣлъ извращеніе понятій о чести, справедливости. Не нравилось преп. Максиму и русское общество, относившееся къ христіанству съ чисто внѣшней обрядовой стороны. Замѣчательно то, что идеалъ русскаго монашества преп. Максимъ привелъ не изъ греческой жизни; слѣдовательно и на родинѣ, въ Греціи, въ православной, но политически порабощенной странѣ, преп. отецъ не находилъ осуществленія христіанской нравственности. Спрашивается: на чемъ же долженъ преп. отецъ остановиться? къ чему стремиться какъ къ лучшему, желательному и возможному?—Какъ критикъ и обличитель современной схоластики (на Западѣ). различныхъ суевѣрій, внѣшняго обрядоваго направленія въ дѣлѣ вѣры. матеріалистическаго и эгоистическаго—въ жизни, преп. Максимъ долженъ былъ, въ силу историческихъ и психологическихъ условій, примкнуть къ тогдашнему сильному, массовому движенію и потребности въ преобразованіи церковнаго института, церковныхъ учрежденій и взаимныхъ отношеній между членами церкви. Мартинъ Лютеръ, Ф. Меланхтонъ, Ж. Кальвинъ, и др. были современниками преп. Максиму; онъ не могъ не знать объ ихъ дѣятельности; всѣ они были идеалисты,—стремились къ достиженію добрыхъ цѣлей; преп. Максиму могли не нравиться крайности и увлеченія названныхъ реформаторовъ, ихъ радикальный образъ мыслей и поступковъ во время борьбы и полемики, но стремленіямъ ихъ, по существу благонамѣреннымъ и обѣщавшимъ хорошія послѣдствія, не могъ не сочувствовать преп. инокъ Максимъ, одушевленный самъ высшими задачами видѣть на дѣлѣ соотвѣтствіе между христіанскимъ идеаломъ и жизнію. Есть большое сродство, едва не тожество, между протестомъ М. Лютера противъ злоупотребленій западнаго, католическаго монашества и обличе-

ніями преп. Максима Грека любостяжательности, лихоимства и чувственной жизни русскаго привелигированнаго общества, духовенства и монашества. Далѣе, чѣмъ объяснить особенную близость преп. Максима Грека къ свободолюбивому кружку, главою котораго былъ преп. Нилъ Сорскій, какъ не единствомъ мыслей и стремленій, состоявшихъ въ улучшеніи церковныхъ дѣлъ, въ поднятіи монашества на надлежащую, соотвѣтственную съ обѣтами, высоту, въ очищеніи русскаго общества отъ тьмы невѣжества, суевѣрія и пороковъ, довавшихъ еретикамъ и недоброжелателямъ поводъ къ укоризнамъ и соблазнамъ. Будучи солидаренъ съ заволжскими старцами въ вопросѣ о ненормальности монашеской жизни, преп. Максимъ Грекъ и въ другихъ вопросахъ, подлежавшихъ къ обсужденію, приходилъ, путемъ самостоятельнымъ, къ выводамъ, одинаковымъ съ заволжскими старцами и ихъ единомышленниками. Такъ, въ вопросѣ объ обрядовомъ, чисто внѣшнемъ исполненіи со стороны русскихъ христіанскаго закона, вмѣсто дѣятельнаго внутренняго, преп. Максимъ Грекъ какъ-бы повторялъ мысли иноковъ-старцевъ объ умной молитвѣ, умномъ дѣланіи; разницу между первымъ и послѣдними можно усматривать въ томъ, что преп. Максимъ Грекъ останавливался болѣе на обличеніи, не доводилъ своихъ мыслей до конца, тогда какъ заволжскіе иноки указывали на лучшій забытый образъ жизни для осуществленія христіанскаго подвижничества въ православныхъ восточныхъ монастыряхъ.

Нашему предположенію о сочувствіи преп. Максима Грека реформаціонному въ церковной сферѣ движенію, совершавшемуся въ большихъ размѣрахъ на Западѣ и слабыхъ—въ Россіи, не противорѣчитъ противолютеранская полемика того же преп. отца: потому что она,

какъ извѣстно, была незначительна; она касалась крайностей лютеранства; можно думать, что время составленія вышеуказанныхъ двухъ трактатовъ противъ лютеранъ относится къ позднѣйшему періоду жизни преп. Максима, когда послѣдній всѣми силами старался оправдаться въ взведенныхъ на него обвиненіяхъ и подозрѣніяхъ. Повторяемъ: мы не только не обвиняемъ преп. Максима въ наклонности къ еретичеству въ духѣ М. Лютера, инока Вассіана Косаго и т. п., но и не заподозрѣваемъ его въ твердости и вѣрности православію, подобно преосвящ. м. Макарію (Булгакову), весьма строго отнесшемуся къ преп. Максиму, поставивши въ вину недосмотры и ошибки преп. отца въ дѣлѣ исправленія книгъ, происшедшіе отъ плохаго знанія имъ славяно-русскаго языка и отъ несвѣдущихъ толмачей.

8—10. Съ вѣрностію православію въ его лучшемъ, очищенномъ отъ временныхъ и мѣстныхъ наслоеній, видѣ преп. Максимъ Грекъ соединялъ сильныя *патріотическія чувствованія* къ его второму негостепріимному отечеству—*Россіи*. Радостныя чувства свои преп. Максимъ высказалъ въ „Словѣ“, составленномъ по случаю одержанной русскими побѣды надъ крымскими татарами при царѣ Иванѣ IV Грозномъ, въ 1549 г. Приписавъ побѣду надъ врагами (скиѳами-псами) Божіей помощи, оказанной и ранѣе многимъ ветхозавѣтнымъ праведникамъ, преп. авторъ побуждаетъ царя возблагодарить Бога за благодѣянія, оказанныя достойнымъ преемникамъ прежнихъ правителей русской земли, поражавшимъ своихъ враговъ.

Свои гражданскія чувства преп. Максимъ выражалъ съ замѣчательною искренностью и смѣлостью, не опасаясь за послѣдствія, могшія быть весьма неблагопріятными со стороны такого несдержаннаго и порывистаго

правителя, каковъ былъ Иванъ Грозный, предъ которымъ трепетала тогда Россія. Въ „Посланіи“ къ Ивану Грозному преп. Максимъ изображаетъ идеалъ царя на основаніи свойствъ Бога, который самъ весь естествомъ благъ есть, весь правда, весь щедръ ко всѣмъ вкупѣ живущимъ на земли; царь (земный) ничтоже ино есть, развѣ образъ живый и видимо, сирѣчь одушевленъ самого царя небеснаго.... Нѣсть предъ нимъ иная молитва, ни приносъ лучши и больши угодна, якоже соблюденіе заповѣдей. Худо и опасно, если царь, вмѣсто справедливости, милости, поста и молитвы, предается плотскимъ удовольствіямъ, сребролюбію, лихоимству, гнѣву и проч. Вмѣстѣ съ ясными намеками на недостатки управленія и жизни царя преп. Максимъ въ „Посланіи“ умоляетъ его объ отпущеніи своемъ на родину, во св. гору. „Отпусти мене, проситъ преп. отецъ, съ миромъ отсюду да и тамо всею душею, и языкомъ, и веселымъ сердцемъ проповѣдаю и величаю превосходящую славу благовѣрныя державы царствія твоего“. *)

Изъ разсмотрѣнія сочиненій преп. Максима Грека видно, что онъ былъ предметомъ вниманія, уваженія и удивленія со стороны тѣхъ немногихъ русскихъ, которые стремились осмыслить свою жизнь и уяснить многое изъ вопросовъ недоумѣнныхъ, возникавшихъ то случайно, то исторически, но не рѣшавшихся, или рѣшавшихся неодинаково. Изъ запросовъ, имѣвшихъ церковно-общественное значеніе, можно указать на слѣдующій возникшій на почвѣ господствовавшихъ односторонних воззрѣній о монашествѣ, какъ идеальной формѣ христіанскаго подвижничества.

У преп. Максима нѣкоторые спрашивали: позволительно-ли супругамъ развестись для посвященія себя

*) Соч. преп. Макс. Грек II. 346—357

монашеской жизни. Изъ вопроса и отвѣта видно, что нѣкоторые изъ русскихъ находили дѣломъ несовмѣстимымъ—достигнуть спасенія въ состояніи брачной жизни*). Зная основательность разсужденій преп. Максима, опиравшагося на духъ святоотеческихъ писаній и каноническія постановленія, уже a priori можно предвидѣть, какой данъ имъ отвѣтъ. „Не отчаивайте, говоритъ преп. отецъ, свое спасеніе, иже съ женами законно живущіи и чада питающіи, ниже ищите разрѣшеніе отъ нихъ, паче заповѣди ап. Павла, глаголющаго: привязалъ-ли ся женѣ, не ищи разрѣшеніе (развода), честно бо женитво и ложе не скверно; но аще по истинѣ желаете бо́льшему спасенію, разрѣшите себе самѣхъ отъ всякія злобы, неправды“ и т. п.

Въ дополненіе къ „Слову“ о хотящихъ оставляти жены своя безъ вины законныя“ нужно присоединить, по нашему мнѣнію, „Повѣсть“ о соборѣ, хотѣвшемъ уставити, дабы попы и діаконы безъ женъ жили. Повѣсть стоитъ какъ-то особнякомъ; повидимому, она не вызывалась запросомъ времени, если не объяснять происхожденіе ея противодѣйствіемъ пропагандѣ со стороны Николая Нѣмчина о цѣлесообразности безбрачія католическаго духовенства. Содержаніе „Повѣсти“**) состоитъ въ приведеніи отвѣта (отрицательнаго) преп. Осіи Кордубскаго на желаніе отцовъ собора (1-го вселенскаго, 325 г.) ввести безбрачіе духовенства. Связь между указаннымъ отвѣтомъ преп. Максима и его „Повѣсти“ ясна; она можетъ быть выражена въ слѣдующемъ умозаключеніи: если св. отцы вселенскаго собора признали возможнымъ и св. Евангелію не противнымъ супружескую жизнь священниковъ, назначенныхъ для руковод-

*) Соч. Мак Грек. II, 231—241.

**) Соч. преп. Максима Грека III, 259—260.

ства и религіознаго воспитанія своихъ прихожанъ, то тѣмъ болѣе супружеская жизнь прилична и священна для мірскихъ людей.

Преп. Максиму Греку принадлежитъ взглядъ по вопросу *о брадобритіи*, одинаковый съ послѣдователями раскола старообрядства, — взглядъ, на который они ссылаются какъ на правильный, высказанный авторитетнымъ и преподобнымъ мужемъ. Взглядъ на вошедшій тогда въ употребленіе обычай стричь бороду и волосы на головѣ и усахъ преп. Максимъ Грекъ высказалъ въ „Посланіи“ къ боярину С. А. Адашеву о „тафіяхъ“ (шапкахъ, татарскихъ тюбитейкахъ), ношеніе и употребленіе которыхъ русскими во время богослуженія преп. отецъ не одобряетъ и порицаетъ, какъ обычай чуждый. не православный и не русскій *) „Вѣжды, господинѣ мой, писалъ преп. Максимъ А. Адашеву, что я самъ, согласно съ митрополитомъ (московскимъ Макаріемъ) гнушаюся егда увижу на главахъ *бритыхъ* православныхъ, и отъ глубины сердца воздыхаю воистину, что христіане уподобляютъ себе христіаноборцемъ туркамъ не точію тафіями, но еще и сапоги туркообразными. и не можешь инымъ знати ихъ что христіане, точію крестнымъ знаменіемъ“. Указывая далѣе на слабую склонность русскихъ къ подражанію татарамъ и ставя въ этомъ отношеніи въ примѣръ болѣе устойчивыхъ (?) грековъ, не смотря на болѣе продолжительное господство надъ ними турокъ, преп. Максимъ настойчиво требовалъ (отсюда можно заключить, что Посланіе писано въ то время, когда Адашевъ былъ въ силѣ и милости у царя—Грознаго), чтобы виновные—подстригатели волосъ были лишаемы св. Причастія наравнѣ съ носителями тафій и сапоговъ и продавцами. Стоглавый Соборъ 1551 г. еще

*) Соч. преп. Максима Грека II. 382—386 Стоглавъ. Спб. 1863 123.

строже отнесся къ вопросу о стриженіи бородъ, приведши, хотя и неудачно, опредѣленіе греческаго царя по сему случаю: „аще кто браду брѣетъ и умретъ тако, недостоитъ надъ нимъ служити, ни сорокоустія по немъ пѣти, ни просвиры, ни свѣщи по немъ въ церковь приносити, съ невѣрными да причтется, отъ еретикъ бо се навыкоша“ *).

Взглядъ преп. Максима на брадобритіе принадлежитъ къ свидѣтельствамъ достовѣрнымъ, хотя раскольники придаютъ ему гораздо большее значеніе, чѣмъ какое оно имѣетъ, какъ свидѣтельство, сказанное мимоходомъ; между тѣмъ послѣдователи раскола расширяютъ мнѣніе преп. отца и доводятъ его до крайности и нелѣпости.

Раскольники ссылаются на преп. Максима Грека и въ вопросахъ о сугубомъ аллилуіа и крестномъ знаменіи, считая его своимъ единомышленникомъ на основаніи двухъ, приписываемыхъ ему невѣрно,—сочиненій объ аллилуіа и крестномъ знаменіи; но неосновательность ссылки ихъ настолько очевидна, что не заслуживаетъ разбора, хотя и указываетъ, съ другой стороны, на уваженіе къ преп. отцу, защитнику чистоты православія.

Заслуживаетъ вниманія интересная и не напрасная ссылка на преп. Максима со стороны автора „Поморскихъ Отвѣтовъ“, А. Денисова, въ вопросѣ о состояніи человѣческихъ тѣлъ послѣ всеобщаго воскресенія въ отношеніи половъ. Вопроса этого коснулся преп. Максимъ въ „Словесахъ (возраженіяхъ) супротивныхъ ко Іоанну Людовику, толковнику свящ. книги О градѣ Божіемъ блаж. Августина, епископа Иппонскаго“. Вопреки мнѣнію блаж. Августина и его толковника, допускавшихъ воскресеніе людей съ различеніемъ ихъ по поламъ, преп. Максимъ Грекъ отвергаетъ возможность

*) Стоглавъ. стр 124

и нужду удержанія и сохраненія означеннаго различія въ будущей равно-ангельской жизни. „И какая, спрашиваетъ полемистъ, потреба прочее сицевыхъ скотолѣпныхъ удовъ обоему полу нетлѣннымъ востаніемъ человѣческимъ тѣлесемъ и ниже пищи прочее требующимъ, ниже дѣтотворити повелѣваемымъ? Вѣмы же, яко двоихъ сихъ ради сицевы уды умыслися неизрѣченнѣй премудрости Содѣтеля, сирѣчь да и родъ человѣческій симъ образомъ умножится, и яже отъ пищей излишныя мокроты источатся, а яко скотолѣпніи сицевіи удове отнюдъ неприличны словесному естеству, созданному по образу и по подобію Божію, явленно есть отъ писанія, глаголющаго: и человѣкъ въ чести бывъ не разумѣ, приложися скотамъ несмысленнымъ и уподобися имъ,— и почему приложися? явѣ, яко по тлѣнію смертному, зане преже преступленія безсмертни быша праотцы; и уподобися имъ—како уподобися? явѣ, яко по образу роженія скотолѣпнѣ совокупляющуся мужескому полу съ женскимъ. Предъувѣдѣвъ бо Содѣтель паденіе первозданнаго рече: нѣсть добро быти человѣку единому, но сотворимъ ему помощницу по нему; почто помощницу? явѣ, яко на умноженіе и пребываніе человѣческаго рода, да не до конца оскудѣетъ. Не возможно бо бѣ ему блюстися единымъ мужескимъ поломъ, а по воскресеніи тѣлеснымъ нетлѣннымъ сущимъ и чадотворити ктому неповелѣваемымъ непотребни суть прочее сицевіи скотолѣпніи удове возвратившимся въ равноангельскій санъ, почему созданы быша изначала. А яко и женская тѣлеса вообразъ и зракъ мужескъ востаютъ и скотолѣпными уды не раздѣляются, къ тому свидѣтель самъ Содѣтель человѣческому роду, глаголя къ саддукеомъ: въ воскресеніи бо ни женятся ни посягаютъ, но якоже ангели Божіи суть, въ нихъ же нѣсть женскій полъ

и образъ скотолѣпенъ: симъ согласуетъ и апостольская рѣчь, глаголющи: вси бо сынове Божіи есте вѣрою, и не рече: сынове и дщери, но сынове точію“ *).

Вопросъ этотъ занималъ русскихъ людей въ XVII и XVIII вв., во время возникшихъ споровъ и полемики между православными и послѣдователями раскола. Послѣдніе думали, „что тѣла умершихъ людей будутъ единаго возраста, вида и начертанія; различія между мужчинами и женщинами не будетъ, но инаковы нетлѣнны яко ангелы будутъ: а первые учили, что мужіе въ мужескомъ, а жены въ женскомъ полу востати имутъ“. Такимъ образомъ, раскольники примыкали къ взгляду преп. Максима Грека; того же мнѣнія держался Андрей Денисовъ, несправедливо приписывая происхожденіе его новопечатнымъ книгамъ.

Есть мнѣніе, приписывающее, вмѣстѣ съ послѣдователями раскола, преп. Максиму Греку ученіе о правильности и древности двуперстія и сугубаго аллилуіа вмѣсто триперстія и трегубаго аллилуіа и видящее причину такого взгляда преп. отца въ уступчивости его въ состояніи болѣзненности и старости для того, чтобы смягчить досаду и гнѣвъ русскихъ на преп. отца за его обличенія невѣжества, своенравія и пороковъ русскаго общества. Мнѣніе это, какъ неосновательное, не заслуживаетъ вниманія; для ослабленія его достаточно указать на то, что преп. отецъ до конца жизни остался вполнѣ вѣренъ и твердъ въ своихъ убѣжденіяхъ, принесши себя въ жертву за нихъ; еслибы онъ измѣнилъ имъ, то не страдалъ бы такъ тяжело и продолжительно отъ своихъ враговъ. Правда, у преп. Максима Грека, при всей его образованности и превосходствѣ надъ современниками (не одними русскими), были странныя

*) Соч. Максима Грека III, 223—224.

мнѣнія, раздѣлявшіяся тогдашнимъ большинствомъ: какъ напр. вѣра въ близкую кончину міра съ наступленіемъ VIII-го в., или тысячелѣтія, признаніе казни еретиковъ, неимовѣрно строгое отношеніе къ тѣмъ, кто носилъ таѳіи и туркообразные сапоги, за что совѣтывалъ виновныхъ (?) отлучать отъ Причастія и не пускать въ церковь, а купцовъ, привозившихъ такой товаръ, подвергать битью кнутомъ и разграбленію *), но такія воззрѣнія преп. Максимъ прямо высказывалъ и не отказывался отъ нихъ впослѣдствіи, хотя, быть можетъ, внутренне, подъ вліяніемъ опыта, зрѣлости сужденія и личныхъ страданій, могъ смотрѣть на еретиковъ болѣе снисходительно и справедливо, чѣмъ высказывался объ этомъ очень важномъ предметѣ ранѣе, въ періодъ благополучной жизни.

*) Макарій м Ист р. церк. т—VII 1874 г. 305—306 стр

II.

Изъ представленной характеристики сочиненій преп. Максима Грека можно видѣть направленіе его, какъ писателя: преп. Максимъ принадлежалъ къ тѣмъ писателямъ-проповѣдникамъ, которые бываютъ недовольны современнымъ обществомъ, рисуютъ отрицательныя темныя стороны его въ области мысли и въ дѣйствительной жизни. Мрачная характеристика состоянія русскаго общества, основанная на сочиненіяхъ преп. Максима, вѣрна исторически, согласна съ другими несомнѣнными свидѣтельствами и законодательными актами; характеристику свою преп. Максимъ Грекъ составилъ не по записямъ современниковъ, а по собственнымъ непосредственнымъ наблюденіямъ въ качествѣ очевидца. Наблюдательность, прямота, разносторонность описаній и глубокое пониманіе духа и направленія современнаго ему общества въ отрицательномъ смыслѣ составляютъ заслугу преп. Максима Грека; своими обличеніями онъ пробуждалъ русскихъ отъ самомнѣнія и самоуслажденія къ смиренію и исправленію,—причемъ преп. отецъ руководился побужденіями благонамѣренными, желалъ того. чтобы было соотвѣтствіе между внѣшнею славою русскаго царства и внутреннимъ процвѣтаніемъ христіанскаго закона, просвѣщенія и добродѣтели.

Послѣдняго, дѣйствительно, не доставало; соотвѣтствія между внутреннимъ и внѣшнимъ не было. Для достиженія означеннаго соотвѣтствія, для распростра-

ненія просвѣщенія въ Руси XVI в. и упорядоченія многихъ нестроеній, требовалось указаніе путей и средствъ, возможныхъ и наличныхъ. Какіе же способы и средства предлагалъ преп. обличитель для исправленія господствовавшихъ недостатковъ и пороковъ? Эта весьма важная сторона представляется въ сочиненіяхъ преп. Максима Грека не такою ясною, какъ было бы желательно; на положительную сторону дѣла преп. отецъ обращалъ мало вниманія; предмету этому онъ не посвятилъ ни одного „слова“, т. е. отдѣльнаго трактата. Поэтому, изложить положительные идеалы преп. Максима для обновленія русскаго общества можно не иначе, какъ только отрывочно, посредствомъ указанія и извлеченія изъ сочиненій преп. отца отдѣльныхъ мыслей и изреченій, разбросанныхъ по всѣмъ сочиненіямъ его случайно, безсистемно. Не легко это сдѣлать, но это нужно для дополненія характеристики преп. Максима Грека, какъ церковно-общественнаго и литературнаго дѣятеля.

Положительную сторону въ „Твореніяхъ“ преп. Максима Грека составляетъ его „исповѣданье православной вѣры“, составленное имъ для разсѣянія возникшаго сомнѣнія въ его чистотѣ и преданности грекоовосточной православной вѣрѣ; хотя означенное исповѣданіе написано по личнымъ побужденіямъ, но оно имѣло общеруководственное значеніе для предъотвращенія отъ вредныхъ вліяній на русскихъ со стороны иновѣрцевъ и вольнодумцевъ; во второй части исповѣданія преп. Максимъ указывалъ на свою неподсудность собору русской церкви и на неправильность осужденія его, какъ еретика, за неточныя и неудачныя выраженія, допущенныя имъ, по уважительнымъ причинамъ, при переводѣ и исправленіи богослужебныхъ книгъ.

Въ дополненіе къ „исповѣданію“, преп. Максимъ Грекъ въ особомъ „Словѣ“ (противъ латиновъ) доказываетъ то, какъ необходимо, для истиннаго члена церкви, соблюдать православное исповѣданіе вѣры во избѣжаніе впасть въ ересь, или ложное мнѣніе о важнѣйшихъ предметахъ вѣры. Все, что необходимо намъ для спасенія, вразумленія и благочестія, находится въ свящ. преданіи; преданіе понимаетъ преп. отецъ въ широкомъ смыслѣ. „Вся преданная намъ, говоритъ преп. Максимъ словами св. Іоанна Дамаскина. закономъ, пророками и евангелистами познаваемъ и чевствуемъ, ничтоже дале ищуще. Богъ бо сый благъ и всякаго блага податель; еже бо угодно бѣ намъ разумѣти, откры, а еже не могохомъ понести, премолча. Сія мы да возлюбимъ, и въ тѣхъ да пребываемъ, не прелагающе предѣлъ вѣчныхъ, ниже преступающе божественное преданіе. Иже бо мало что или велико отъ божественныхъ отметаетъ, весь отметаетъ законъ, и считается вкупѣ съ приступающими его..... Римляне къ симъ глуси суть, по подобію аспида глуха, затыкающаго уши свои, и не хотятъ воспріяти цѣльбы, но единою надмени киченіемъ и тщетнымъ мнѣніемъ, что не падаетъ подъ діалектическими нуждами злохитренными, аки гнило отметаютъ съ великимъ презорствомъ“ *).

Вопросъ объ отношеніи къ святоотеческому преданію въ началѣ XVI в. сдѣлался предметомъ обсужденія и спора между просвященными людьми изъ русскихъ книжниковъ. Сущность дѣла состояла въ томъ, какъ относиться къ источникамъ христіанскаго вѣроученія, или исповѣданія, все-ли признавать истиннымъ, что̀ извѣстно было тогда подъ именемъ „божественныхъ писаній“, или дѣлать разграниченіе между ними соотвѣт-

*) Соч. М. Грека, т I. 260—261

ственно ихъ внутреннему достоинству по содержанію и происхожденію (богодухновенному). Критическое отношеніе къ источникамъ христіанскаго вѣроученія. вмѣсто господствовавшаго до тѣхъ поръ безъусловнаго довѣрія къ всякому писанію, обязано было своимъ происхожденіемъ и развитіемъ кружку заволжскихъ иноковъ съ преп. Ниломъ Сорскимъ во главѣ (1508 г.). „Писанія много, писалъ преп. Нилъ, но не вся божественна суть". Во время преп. Максима Грека означенный вопросъ продолжалъ занимать многихъ, но преп. отецъ не подвергъ его разсмотрѣнію, хотя не могъ не придавать ему большаго принципіальнаго и практическаго значенія при исправленіи церковно-богослужебныхъ книгъ. Совѣтъ преп. Максима — нелѣть есть ни единому приложити что, или убавити въ божественномъ исповѣданіи непорочныя христіанскія вѣры" страдаетъ общностью, неопредѣленностью; онъ не раскрытъ и не приложенъ къ наличной, бывшей въ ходу у русскихъ. письменности; какъ такой, онъ порождалъ и поддерживалъ тѣ многочисленныя суевѣрія, басни и ложныя мнѣнія на почвѣ религіозно-церковной, противъ которыхъ возставалъ полемистъ въ своихъ сочиненіяхъ.

Болѣе полно и обстоятельно преп. Максимъ подвергъ разсмотрѣнію вопросъ о книжномъ исправленіи. бывшій главною заботою его. Совѣты и указанія его въ дѣлѣ исправленія книгъ усматриваются изъ самыхъ его трудовъ, а не изъ теоретическихъ разсужденій. Для исправленія вкравшихся ошибокъ, двусмысленныхъ выраженій и мыслей преп. отецъ прибѣгалъ къ подлинному греческому тексту, съ котораго сдѣланы были переводы. Знаніе греческаго языка преп. Максимъ считалъ необходимымъ условіемъ для того, чтобы быть надлежащимъ переводчикомъ и исправителемъ свято-

отеческихъ писаній и богослужебныхъ книгъ. Изъ разсужденія преп. Максима Грека о пользѣ знанія греческаго языка въ дѣлѣ пониманія свято-отеческой письменности можно заключать, какъ объ отсутствіи грековъ въ числѣ гражданъ русскаго общества XVI в., такъ и о томъ, что въ то время въ Россіи не было ни школьнаго изученія греческаго языка, ни практическаго употребленія его.

Заключеніе это согласно вполнѣ съ обстоятельствами того времени, вызвавшими охлажденіе и отчужденіе во взаимныхъ отношеніяхъ между греческою и русскою церковью; отсутствіе грековъ въ средѣ іерархическихъ лицъ на Руси сопровождалось многими неблагопріятными послѣдствіями, какъ-то: усиленіемъ невѣжества, грубости; возникновеніемъ странныхъ, суевѣрныхъ и мелочныхъ мнѣній и споровъ о сугубомъ аллилуіа, посолонномъ хожденіи и т. п.

Въ связи съ отчужденіемъ Руси XVI в. отъ православной Греціи находится разсужденіе преп. Максима Грека о незаконности непринятія русскою церковію митрополитовъ, поставленныхъ цареградскимъ патріархомъ; для объясненія своего отказа, противорѣчившаго прежнимъ отношеніямъ, русская церковь оправдывалась зависимымъ положеніемъ греческой церкви отъ турецкаго владычества; мотивъ этотъ, правда, весьма важный, но не единственный, преп. Максимъ Грекъ опровергалъ, указывая и доказывая возможность и дѣйствительность соблюденія чистоты православія съ политическою зависимостью вѣрующихъ отъ иновѣрнаго царя *).

Въ вопросѣ объ *упадкѣ нравственности* у русскихъ того времени, при важномъ внѣшне-торжественномъ

*) Соч преп. Максима Грека, т. III, стр. 154—156

обрядовомъ благочестіи, преп. Максимъ побуждалъ русскихъ къ внутреннему благочестію, плодомъ котораго являются — справедливость, милосердіе, снисхожденіе, помощь неимущимъ, прощеніе долговъ тѣмъ, кто не можетъ уплатить по бѣдности и т. п. „Божія страха отринувъ отнюдь, говоритъ преп. Максимъ, благо угодити ли мниши множествомъ каноновъ и стихѣръ, высокимъ воплемъ мнѣ воспѣвая“ *)? Тѣ же явленія и почти тѣми-же словами обличали современники Максима. „Въ канонѣ читаютъ, говорилъ одинъ изъ нихъ въ соборѣ, о русскихъ фарисеяхъ и книжникахъ, Іисусе сладкій, а услышатъ слово Іисусово о заповѣдяхъ Его, какъ велѣлъ быти, и они въ горесть прелагаются, что заповѣди сотворити; и въ акаѳистѣ читаютъ: радуйся да радуйся чистая, а сами о чистотѣ не радятъ и въ празднословіи пребываютъ, ино то обычаемъ точію водими глаголютъ, а не истинну“ **). Этотъ болѣе другихъ просвѣщенный мужъ (старецъ Артеній), съ своей стороны, старался осмыслить чисто формальное пониманіе религіи, доказывая, подобно Максиму Греку, полнѣйшую безполезность внѣшняго благочестія безъ внутренняго исправленія. „Ни постъ, ни молитва, читаемъ мы въ одномъ изъ его посланій, ни пустынное вселеніе, ниже бдѣніе протяженное, ни тѣлесное злостраданіе, ниже церковное видимое многоцѣнное украшеніе, ниже пѣніе великогласное, ниже ино видимое мнимое благочиніе кое, ни доле леганіе (земные поклоны)... пользовати насъ можетъ, житію сущу растлѣну“ ***).

Совѣтъ объ исполненіи христіанскаго закона любви

---

*) Т. II, стр 241—242.

**) Акты Археогр. Экспедиціи т. I, № 239, стр. 252.

***) Русская Историч. Библіот. т IV, столб. 1399, см также Сборникъ м Даніила л. 483

къ ближнему преп. Максимъ Грекъ относилъ какъ къ тѣмъ классамъ русскаго общества, въ которыхъ замѣтны были недостатки и пороки, такъ и къ отдѣльнымъ лицамъ, обращавшимся къ нему съ своими недоумѣніями. Особенно преп. Максимъ имѣлъ причины и поводы побуждать монашество слѣдовать своимъ обѣтамъ и идеаламъ, отъ которыхъ оно далеко уклонялось, увлекшись мірскою славою и хозяйственными заботами.

Будучи вполнѣ со стороны теоретической и фактической своевременными, указанные совѣты преп. Максима Грека отличаются въ практическомъ отношеніи неудобопримѣнимостью къ монашеству въ той ихъ части. которая касается содержанія монастыря. Преп. Максимъ не только не рѣшалъ, но, повидимому, и не интересовался вопросомъ о томъ: какъ можно и должно устроить хозяйственную сторону въ жизни монаховъ, чтобы она представляла собою благоустроенную общину и въ тоже время не противорѣчила церковно-каноническимъ правиламъ? Часто, даже до неумѣстности, преп. Максимъ Грекъ любилъ укорять монаховъ за ихъ пристрастіе къ внѣшнимъ удобствамъ и распущенность, но онъ не указывалъ того, чѣмъ можно было разнообразить и оживлять монашеское препровожденіе времени, чтобы оно не было томительнымъ прозябаніемъ и приносило болѣе пользы тѣмъ, кто желалъ и искалъ поученія и руководства отъ людей, посвятившихъ себя созерцательной, идеальной жизни, умертвивъ въ себѣ ветхаго человѣка со страстьми и похотьми? Къ сожалѣнію, преп. Максимъ не указалъ средства для возвышенія и облагороженія жизни русскаго монашества. Средство это состояло въ просвѣщеніи, котораго не было среди большинства монаховъ и поголовно среди остальныхъ классовъ общества.

Вопроса объ *отсутствіи просвѣщенія*, необходимости и пользѣ его для ослабленія господствовавшаго невѣжества преп. Максимъ Грекъ касался, но не затрогивалъ его въ томъ жизненномъ смыслѣ и объемѣ, въ какомъ означенный вопросъ разсматривался послѣ, въ ближайшее время, не говоря объ отдаленномъ. Не смотря на свое высокое тогдашнее научно-богословское образованіе, наблюдательность и опытность, преп. Максимъ Грекъ не придавалъ просвѣщенію того могучаго значенія и вліянія, какое само по себѣ оно всегда имѣло и имѣетъ, вліяя на направленіе благочестія, поведенія и дѣятельности, на взаимныя отношенія людей, служебныя, семейныя, сословныя, на убѣжденія и т. д. По примѣру своихъ современниковъ-проповѣдниковъ и обличителей (напр. І. Савонаролы), преп. Максимъ недостатки, заблужденія и пороки русскаго общества приписывалъ злой волѣ, разнымъ страстямъ—сребролюбію, гордости, лѣности, самолюбію и т. п., умалчивая о другихъ важныхъ факторахъ, несомнѣнно вліявшихъ на происхожденіе и силу указанныхъ недостатковъ. Преп. Максимъ указывалъ, въ примѣръ и подражаніе русскимъ, на *мудрыхъ*, исполненныхъ словеснаго и техническаго художества въ г. Парижѣ и другихъ странахъ, но его разсужденія о гостепріимствѣ и пользѣ иностранцевъ для Россіи носили болѣе личный и тщеславно-патріотическій (въ духѣ наставленій Владиміра Мономаха), чѣмъ общеобразовательный оттѣнокъ; съ другой стороны, рѣчи преп. Максима о просвѣщеніи, вообще немногія, не облечены въ какія-либо опредѣленныя мѣры и проэкты, направленныя на поднятіе и усиленіе грамотности и школьнаго образованія, подобно тому, какъ это практически указано было на Стоглавомъ Соборѣ (гл. 26) о необходимости устроенія училищъ; для

ослабленія мнѣнія, преувеличенно - приписывающаго преп. Максиму Греку вліяніе на опредѣленіе собора 1551 г. о заведеніи училищъ, можно указать на преп. Геннадія архіеп. новгородскаго (1505 †), заявлявшаго о потребности школъ въ ясной опредѣленной формѣ. Тѣмъ не менѣе преп. Максиму необходимо нужно поставить въ заслугу пробужденіе въ русскихъ сознанія въ необходимости образованія. Для побужденія къ подражанію иностранцамъ, преп. Максимъ указывалъ на Францію, гдѣ (въ г. Парижѣ) „собираются изъ всѣхъ странъ западныхъ и сѣверныхъ желающіе словесныхъ художествъ, не точію сынове простѣйшихъ человѣкъ, но и самѣхъ, иже въ царскую высоту и болярскаго и княжескаго сана“, гдѣ каждый изъ нихъ „время довольно въ ученіяхъ прилѣжно упразднився, возвращается въ свою страну, преполонъ всякія премудрости и разума и есть сицевый украшеніе и похвала своему отечеству, совѣтникъ бо ему есть предобръ и представитель искусенъ и споспѣшникъ ему добрѣйшій во вся, елика потребна ему будетъ“. Затѣмъ, обращаясь къ русскимъ, Максимъ говоритъ: „такимъ подобаетъ быти же и бывати своимъ отечествомъ, иже у насъ о благородіи и изобиліи богатства зѣло хвалящеся, иже отъ священнаго наказанія словесныхъ ученій наставляеми и просвѣщаеми возмогутъ не точію сами своимъ непохвальнымъ страстемъ одолѣти и внѣшномъ женолѣпномъ украшеніи нерадѣти и внѣ сребролюбія и всякаго лихоиманія себе блюсти, но аще и иныхъ понудятъ подражателямъ ихъ бывати, любителямъ всякаго богоугоднаго жительства“ *).

На основаніи приведеннаго отрывка и другихъ указаній Максима Грека на иностранцевъ можно заклю-

*) Т III стр. 180 (Максимъ Грекъ).

чать о свободномъ взглядѣ преп. отца на иностранцевъ и отношенія къ нимъ, въ противоположность русскимъ, у которыхъ въ то время взгляды и отношенія къ иностранцамъ - иновѣрцамъ отличались нетерпимостью и враждебностью; отъ иностранцевъ преп. Максимъ ожидалъ пользы для просвѣщенія, а не вреда.

Еще можно бы привести не мало указаній и совѣтовъ преп. Максима Грека по частнымъ запросамъ и предметамъ русской церковно-общественной жизни и практики, но мы не будемъ перечислять ихъ по причинѣ ихъ множества; количество ихъ соотвѣтствуетъ обличеніямъ преп. отца; изъ его обличеній можно выводить совѣты, требованія и правила, подобно тому, какъ изъ отрицанія выводится положеніе. Полнота и вѣрность изображенія Россіи XVI в. составляютъ одну изъ отличительныхъ сторонъ сочиненій преп. Максима Грека: жаль, что преп. Максимъ Грекъ не знакомъ былъ съ прошлыми судьбами русской исторіи и церкви; о минувшихъ событіяхъ Россіи на пространствѣ 5-ти столѣтій, преп. Максимъ совсѣмъ не упоминаетъ, — какъ будто ихъ и не было...: еслибы преп. Максиму извѣстна была исторія Россіи и церкви, тогда сочиненія его, касавшіяся просвѣщенія и положенія ея, имѣли бы бо́льшую полноту и значеніе, — особенности, вытекающія изъ сравненія прошлаго съ настоящимъ. Этотъ недостатокъ въ сочиненіяхъ преп. Максима Грека могъ зависѣть отъ недосуга и тяжелыхъ условій продолжительнаго заключенія, обрекавшаго его на бездѣйствіе въ соединеніи съ другими физическими и нравственными страданіями.

Послѣ характеристики содержанія сочиненій преп. Максима Грека и взглядовъ его на важнѣйшіе вопросы тогдашняго русскаго общества, намъ остается, въ за-

ключеніе, установить и рѣшить вопросъ о самомъ Максимѣ Грекѣ, состоящій въ томъ, насколько преп. отецъ, просвѣтитель и обличитель Руси XVI в., виновенъ былъ въ томъ, въ чемъ его обвиняли и осудили на соборахъ 1525 и 1531 гг. Преп. Максимъ Грекъ не избѣжалъ незавидной участи великихъ историческихъ личностей, страдающихъ за свои убѣжденія, прямоту и правду со стороны недоброжелательныхъ и одностороннихъ современниковъ.

Дѣло въ томъ, что, за допущенныя при исправленіи и переводѣ богослужебныхъ книгъ ошибки, преп. Максимъ Грекъ подвергся не только укоризнамъ, но формальному суду со стороны русско-церковнаго правительства. Правда, поводы и данныя къ разсужденію о винахъ преп. Максима дѣйствительно были, однако, во время соборнаго суда надъ преп. Максимомъ обнаружились, въ непривлекательномъ видѣ, всѣ предвидѣнныя и непредвидѣнныя послѣдствія правдивой, рѣзкой, обличительной дѣятельности преп. отца, затронувшей порядки, учрежденія и дѣйствія іерархическихъ лицъ Россіи XVI в.; не изъ-за дѣйствительныхъ винъ неоднократно вызывали на соборъ, осуждали, и томили преп. Максима въ заточеніи, а изъ оскорбленнаго самолюбія, невѣжества и жестокихъ нравовъ. Мы не будемъ передавать неполнаго и односторонняго слѣдственно-судебнаго дѣла о преп. Максимѣ Грекѣ, на основаніи котораго одни изъ ученыхъ оправдываютъ преп. отца, а другіе осуждаютъ его если не строго, то, по крайней мѣрѣ, настолько, что соборный судъ надъ нимъ считаютъ вполнѣ заслуженнымъ и справедливымъ; вмѣсто изложенія судебнаго процесса, довольно подробно и обстоятельно сдѣланнаго преосвящ. Макаріемъ въ 1870 г., мы ограничимся сказаніемъ на тѣ данныя

и соображенія, которыя оправдываютъ преп. Максима въ допущенныхъ, при исправленіи книгъ, ошибкахъ. послужившихъ поводомъ къ привлеченію его на судъ для объясненій *).

По основательному взгляду преосвящ. Филарета. раздѣляемому большинствомъ духовныхъ и свѣтскихъ ученыхъ, писавшихъ о преп. Максимѣ, всѣ ошибки и описки послѣдняго, въ которыхъ усмотрѣли судьи неправославіе и даже еретичество преп. отца, произошли отъ незнанія имъ славяно-русскаго языка и довѣрія его къ переводчикамъ (съ латинскаго)—редакторамъ-толмачамъ — Д. Герасимову и Власію. Пока преп. Максимъ Грекъ не усвоилъ основательно славяно-русскаго нарѣчія, съ трудомъ дающагося не только иностранцу. но и не привыкшему къ славянской рѣчи съ дѣтства русскому, до тѣхъ поръ преп. отецъ не могъ уразумѣть тѣхъ тонкихъ различій въ измѣненіяхъ церковно-славянскихъ словъ и изрѣченій, въ которыхъ выражались догматическія понятія о Лицѣ І. Христа [напр. на основаніи выраженія: сѣдѣлъ еси. сѣдѣвъ одесную Бога (Отца) Максиму приписывали мысль о временномъ сидѣніи (пребываніи) І. Христа по правую сторону Бога Отца, вопреки составленному преп. Максимомъ вполнѣ православному исповѣданію вѣры и представленному имъ для своего оправданія], о сверхъестественномъ рожденіи Спасителя отъ Пресв. Дѣвы Маріи [на основаніи исправленной переведенной фразы изъ житія (Метафрастова) Пресв. Богородицы — *совокупленія* же до обрученія (съ Іосифомъ) бѣ, вмѣсто *совѣщанія* преп. Максима обвиняли въ ереси жидовствующихъ, противъ которой онъ писалъ полемическіе трактаты], о свойствахъ воскресшаго тѣла І. Христа (преп. Максимъ

*) Макар Ист. р. церкви, т VI, стр 159—193

считалъ плоть І. Христа по воскресеніи описуемою вопреки существовавшему взгляду русскихъ и тексту богослужебныхъ книгъ о неописуемости плоти) и др. Немного нужно вниманія и разсудительности, чтобы не только извинить, но и оправдать преп. отца за „нѣкія малыя описи“ въ трудномъ дѣлѣ исправленія книгъ, вмѣсто тяжкаго осужденія его какъ какого-то закоренѣлаго, фанатичнаго и вреднаго еретика. Преп. Максимъ рѣшительно отвергъ обвиненіе его въ измѣнѣ православію, приписывая происхожденіе описей случайности, неискусству своихъ толмачей и переписчиковъ. Допущеніе въ преп. Максимѣ еретической наклонности ни съ чѣмъ несообразно,—ни съ его обѣтами, ни цѣлію прибытія въ Россію; ужели онъ могъ поколебаться въ религіозныхъ убѣжденіяхъ въ Москвѣ, гдѣ все, хотя и своеобразно, говорило о православіи за исключеніемъ немногихъ и разсѣянныхъ вольнодумцевъ? Ужели могъ на преп. отца повліять въ худую сторону сочувствовавшій не по однимъ церковнымъ вопросамъ князь-инокъ Вассіанъ Косой (Патрикѣевъ), относившійся къ преп. Максиму, какъ ученикъ къ учителю и руководителю? На инокѣ Вассіанѣ лежитъ вина та, что онъ злоупотреблялъ довѣріемъ преп. Максима для своихъ личныхъ цѣлей въ такомъ священномъ дѣлѣ, какъ исправленіе богослужебныхъ книгъ. На просьбу преп. Максима Грека о помилованіи и прощеніи нужно смотрѣть не какъ на признаніе за собою справедливости обвиненій, а какъ на крайнюю унизительную мѣру для умягченія жестокости судей. Послѣдніе, для усиленія обвиненія преп. отца, указывали на политическую неблагонадежность его, — предметъ, совсѣмъ не относившійся къ компетенціи и долгу церковной власти; а предсѣдатель суда надъ преп. Максимомъ, московскій митропо-

литъ Даніилъ, потерявши всякое самообладаніе и достоинство, обнаружилъ пристрастіе свое и истинную причину нерасположенія къ беззащитному иноку, когда, въ концѣ засѣданія, обратился во гнѣвѣ съ слѣдующими злорадостными словами къ осужденному: „достигоша тебе, окаянне, грѣси твои, о немъ же отрекся превести (перевести) мнѣ священную книгу блаженнаго Θеодорита“.

О своей непричастности къ еретичеству самъ преп. Максимъ прекрасно выражается слѣдующимъ образомъ: объясняя неправильность вкравшихся словъ и оборотовъ рѣчи нелѣпотнымъ презрѣніемъ данныхъ ему толмачей, онъ заявляетъ, что „тогда (т. е. въ 1525 и 1531 гг.) не вѣдахъ различіе сицевыхъ рѣченій; аще бо вѣдахъ, никако бы замолчахъ, но всяко исправилъ быхъ такову нелѣпотную опись. Которая бо польза мнѣ отъ сихъ черныхъ рубищь и молитвъ и иноческаго жительства и многолѣтныхъ сихъ скорбій моихъ, аще обрящуся хуля на Господа и Бога и Спаса моего Іисуса Христа, наньже уповахъ отъ младыхъ ногтей?“ *).

Изъ представленнаго краткаго очерка дѣятельности преп. Максима Грека можно видѣть характеръ и направленіе преп. отца, какъ церковно-общественнаго труженика, стремившагося къ просвѣщенію и улучшенію древне-русскаго общества XVI в. посредствомъ проповѣди и направленія книжнаго дѣла. Взглядъ нашъ на дѣятельность преп. Максима Грека совпадаетъ съ установившимися научными сужденіями церковныхъ и гражданскихъ ученыхъ о томъ же предметѣ. Хотя о преп. Максимѣ Грекѣ имѣется довольно обширная литература, однако, еще остаются невыясненными нѣкоторыя стороны изъ его жизни въ Россіи, дающія поводъ нѣ-

*) Соч. преп. Максима, т I, 34.

которымъ изслѣдователямъ относиться къ преп. отцу строго и односторонне. Строгимъ отношеніемъ къ невольнымъ ошибкамъ преп. Максима отличается нашъ извѣстный церковный историкъ, преосв. м. Макарій Булгаковъ, вообще безпристрасный изслѣдователь.

По мнѣнію м. Макарія, „преп. Максимъ на основаніи соборныхъ актовъ, долженъ быть признанъ болѣе виновнымъ, чѣмъ въ однѣхъ малыхъ и случайныхъ описяхъ; нѣкоторыя его вины (будто бы) были отнюдь немаловажны, а въ то время могли казаться даже весьма важными и прямо еретическими, а потому неудивительно (?), если отцы собора не простили Максима, а осудили его, аки хульника и священныхъ писаній тлителя, отлучили его отъ св. Христовыхъ Таинъ и въ оковахъ (тоже неудивительно?!) послали на заточеніе“ *), продолжавшееся около *30 лѣтъ*. Вмѣсто опроверженія взгляда м. Макарія, тождественнаго съ судомъ собора *1531 г.*, умѣстно спросить: отчего преп. Максима только осудили и заточили, но не признали за нимъ никакихъ заслугъ хотя бы для смягченія наказанія, безчеловѣчнаго и безпримѣрнаго даже въ то темное время? Въ дополненіе къ взгляду м. Макарія на преп. Максима нужно указать на то, что почтенный историкъ приписываетъ преп. отцу большое самомнѣніе о своихъ сочиненіяхъ на основаніи совершенно невинныхъ и единичныхъ отзывовъ его о нѣкоторыхъ своихъ посланіяхъ, писанныхъ по просьбамъ частныхъ лицъ. Чтобы не быть голословнымъ, приведемъ отзывъ м. Макарія по этому поводу. „Какъ высоко цѣнилъ Максимъ свои сочиненія, говоритъ онъ, достаточно указать на то, что посылая къ митроп. московскому (Макарію) и къ извѣстному (стольнику) Алексѣю Адашеву для прочтенія

*) Макар. Ист. р. ц. т. VI, стр. 190—3.

десять тетрадокъ своихъ сочиненій. Максимъ писалъ: посылаю къ государю нашему преосвящ. митрополиту и къ тебѣ вещи. по моему суду, не худы.—ученіе о нравѣхъ и вооруженіе сильно на латынскія ереси, и злочестивое упрямство еврейско, и на эллинскую прелесть и звѣздочетіе, премудрости довольныя и разума духовнаго и силы исполнь прочитающимъ я: еще: а тетрадка (27 главъ)—та много списана мудро добрѣ къ самому блюстителю (т. е. царю)“ *). Если смотрѣть на приведенныя выраженія безъ предубѣжденія, то они не доказываютъ кичливости и самомнѣнія; а если взять во вниманіе неумѣнье преп. Максима точно и правильно выражаться, то строгость историка должна значительно ослабиться. Приведенному мѣсту изъ сочиненія преп. Максима другіе ученые не придаютъ никакого значенія ни въ смыслѣ гордости, ни въ какомъ-либо другомъ.

Преосвященный Макарій отвергаетъ вліяніе на судьбу Максима бракоразводнаго дѣла в. кн. Василія Ивановича съ его женою и втораго брака. Недовѣряя свидѣтельству князя Курбскаго, на каковомъ свидѣтельствѣ основывается извѣстіе о гнѣвѣ и опалѣ князя Василія на преп. Максима за неодобреніе имъ желанія и рѣшенія перваго, какъ рѣшенія противозаконнаго и соблазнительнаго, м. Макарій свое отрицаніе доказываетъ ссылкою на выданную великимъ княземъ Ниловой пустынѣ грамоту (14 сент. 1526 г.), которою признавалась неподсудность пустыни власти епархіальнаго епископа,—между тѣмъ какъ льгота дарована была по ходатайству старца Вассіана Косого, единодушно возставшаго (ранѣе 1526 г.) съ преп. Максимомъ противъ поступка в. князя и одинаково долженствовавшаго подвергнуться опалѣ, чего однако не было. Если, по

*) Христ. Чт. 1872; 605 стр

мнѣнію м. Макарія, Вассіанъ не страдалъ въ то время за свою смѣлость, вопреки утвержденію Курбскаго, то не долженъ (?) былъ страдать и преп. Максимъ Грекъ; отсюда слѣдуетъ то (по м. Макарію), что или преп. Максимъ и инокъ Вассіанъ не участвовали въ дѣлѣ о расторженіи брака, или оба они остались безнаказанными. Съ выводомъ преосв. Макарія, какъ правильнымъ лишь съ внѣшней стороны, нельзя согласиться по многимъ соображеніямъ, изъ которыхъ заслуживаютъ вниманія слѣдующіе. Такъ какъ В. Косой былъ родственникъ великому князю, то отношенія къ нему со стороны послѣдняго должны были быть и были иныя, чѣмъ къ преп. Максиму, иностранцу; въ бракоразводномъ дѣлѣ большее значеніе имѣлъ голосъ преп. Максима Грека. какъ лица авторитетнаго и представителя греко-восточной церкви, нежели мнѣніе частнаго лица— русскаго; что преп. Максимъ принималъ участіе въ дѣлѣ о разводѣ, въ этомъ излишне сомнѣваться, какъ нельзя сомнѣваться въ отрицательномъ мнѣніи преп. отца по означенному вопросу; далѣе: если не томился въ заточеніи Вассіанъ въ 1526 г., то томился преп. Максимъ Грекъ въ то время въ Іосифовомъ волоколамскомъ монастырѣ, будучи осужденъ не за противность в. князю, за что формально нельзя было судить, а за исправленіе книгъ; но строгость наказанія, какъ и самое осужденіе, имѣли связь съ бракоразводныхъ дѣломъ; яснымъ доказательствомъ служитъ то, что в. князь не проявилъ ни малѣйшаго участія въ несчастной судьбѣ вызваннаго и сначала облагодѣтельствованнаго человѣка; безучастіе, жестокость и мстительность къ людямъ, говорившимъ „навстрѣчу“ в. князю, вполнѣ оправдываютъ то, что постигло преп. Максима за его прямоту, твердость и благородство; послѣдняго качества

московскіе цари не только не имѣли, но и не любили. Вообще жестокое отношеніе къ преп. Максиму Греку было въ духѣ того времени; оно вытекало не изъ ревности къ славѣ Божіей, а изъ грубости и презрѣнія къ личности человѣка, идеальнаго и беззащитнаго.

Къ заслугамъ преп. Максима Грека, перваго исправителя и направителя книжнаго дѣла въ древнѣйшей Руси, русское общество во главѣ съ княземъ и митрополитомъ, осталось въ высшей степени неблагодарнымъ, какъ оно оказалось неблагодарнымъ ко второму самому видному и рѣшительному, исправителю того же запущеннаго книжно-церковнаго дѣла, святѣйшему патріарху Никону, въ то время, когда оканчивалась древняя Русь и начиналась новая. Между этими двумя знаменательными личностями, преп. Максимомъ XVI в. и патріархомъ Никономъ XVII в., есть много сроднаго какъ по задачамъ дѣятельности, такъ и по печальной судьбѣ: дѣятельность, своевременная, полезная и просвѣщенная, и того и другаго была неожиданно прервана вслѣдствіе осложнившихся отношеній обоихъ къ предержащей власти.

Изслѣдованія о преп. Максимѣ продолжаютъ появляться и въ настоящее время; они должны восполнить недостатки и неполноту раннѣйшихъ трудовъ; научному рѣшенію о личности и дѣятельности знаменитаго исповѣдника просвѣщенія на Руси можетъ содѣйствовать филологическая разработка сочиненій преп. Максима. Работа эта должна состоять въ опредѣленіи времени составленія сочиненій преп. отца на основаніи стиля его, представляющаго постепенный, хотя и медленный переходъ отъ тяжелыхъ формъ и неправильныхъ оборотовъ рѣчи къ болѣе точнымъ и установив-

шимся. Изученіе языка твореній преп. Максима Грека— дѣло весьма не легкое, но могущее быть цѣннымъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, какъ напр., въ историческомъ. Когда сочиненія преп. Максима Грека будутъ распредѣлены хронологически, т. е. пріурочены къ извѣстнымъ обстоятельствамъ, вызвавшимъ составленіе и появленіе ихъ въ современной письменности, тогда можно будетъ *иначе* сопоставить связь нѣкоторыхъ событій изъ жизни преп. отца въ цѣляхъ совершеннаго оправданія его отъ незаслуженныхъ подозрѣній и попрековъ. Конечно, цѣль эта скорѣе и вѣрнѣе можетъ быть достигнута при открытіи списковъ сочиненій преп. Максима съ хронологическими датами отдѣльныхъ церковно-историческихъ трактатовъ автора, но этого подспорья можетъ и не быть ни въ ближайшемъ, ни отдаленномъ будущемъ, между тѣмъ какъ интересъ научный и историческій означенную работу побуждаетъ считать не только желательною, но и возможною при настоящей всесторонней разработкѣ отечественной исторіи литературы. Для примѣра укажемъ на слѣдующее.

Между многими „словами“ преп. Максима Грека есть одно, извѣстное подъ заглавіемъ: „главы поучительны начальствующимъ правовѣрно“. Содержаніе означеннаго, довольно большого по объему, слова (157—184 стр.) состоитъ въ начертаніи идеала правителя русской страны съ указаніемъ на недостатки и уклоненія, несообразные съ достоинствами христіанскаго царя, которому ввѣрено отъ Бога обширное государство для гражданскаго управленія и надзора за духовными вождями народа, т. е. пастырями и учителями. Хотя время написанія „Слова“ неизвѣстно, но по намекамъ на поступки правителя и его подданныхъ, по указаніямъ на нужды народа, по эпитетамъ приличнымъ царскому

достоинству и неоднократному названію правителя царемъ, оно относится къ царствованію Ивана Васильевича Грознаго, между тѣмъ какъ нѣкоторыми изъ ученыхъ названное „Слово“ пріурочивается къ княженію отца Грознаго, вел. князя Василія Ивановича (1533 г.) на основаніи сходства въ характерѣ и поступкамъ обоихъ государей, отца и сына. Такъ, 1862 г.. авторъ статьи „преп. Максимъ Грекъ. какъ исповѣдникъ просвѣщенія въ XVI в.“, для объясненія причинъ измѣнившейся судьбы преп. отца къ худшему, равно какъ и для доказательства прямоты и твердости убѣжденій того же отца, приводитъ изъ вышеозначеннаго „Слова“ слѣдующіе якобы совѣты в. князю Василію Ивановичу по дѣлу о разводѣ князя: „царя истиннаго и самодержца онаго мни, благовѣрнѣйшій *царю*, который ко еже правдою и благозаконіемъ устрояти житейская подручниковъ прилежитъ и безсловеснымъ своея души страстемъ же и похотемъ одолѣти тщится всегда, глаголю же ярости и гнѣву напрасному и беззаконнымъ плотскимъ похотемъ. Иже бо силами сицевыми безсловесны одолѣваемъ бываетъ, нѣсть небеснаго Владыки образъ одушевленъ, но безсловеснаго естества человѣкообразно подобіе“ *). По мнѣнію автора, этими словами преп. Максимъ показывалъ в. князю незаконность принятаго имъ намѣренія о неизбѣжности развода съ Саломоніею. Авторъ не допустилъ бы означенной хронологической ошибки, еслибы повнимательнѣе прочиталъ все содержаніе (отличающееся однообразіемъ съ другими подобными) „Слова“; но важно отмѣтить здѣсь то, какъ легко впасть въ болѣе грубыя заблужденія при изслѣдованіи безъ предварительнаго рѣшенія вопросовъ о приблизительномъ времени составленія историческихъ памятниковъ, какъ легко и въ тоже время

*) Христ. Чт 1862 г I 345.

вредно установить ложную связь между событіями. особенно при тенденціозномъ изученіи.

Въ заключеніе нужно сказать о значеніи дѣятельности преп. Максима Грека для Руси XVI в.

Значеніе дѣятельности преп. отца опредѣляется вліяніемъ ея на современниковъ, ближайшихъ и отдаленныхъ, на факты въ исторіи русской церкви.

Такъ какъ преп. Максимъ Грекъ въ своихъ сочиненіяхъ не только коснулся всѣхъ важныхъ сторонъ жизни русскаго общества XVI в., но и высказалъ свой взглядъ на всѣ эти многоразличныя стороны, правдивый и неблагопріятный для русскихъ, то по одному этому онъ не могъ не произвести сильнаго впечатлѣнія на Русь XVI в. и послѣдующаго времени; но твердый и увѣренный голосъ Максима Грека долженъ былъ возбудить въ умахъ русскихъ книжниковъ и грамотныхъ людей множество запросовъ въ своей жизни и другихъ потому еще, что преп. Максимъ Грекъ былъ во всеоруженіи знанія теоретическаго и фактическаго; свои обличенія онъ подтверждалъ указаніемъ на достовѣрныя свидѣтельства, факты, а еще болѣе намекалъ на поступки и отношенія, всѣмъ извѣтные и на возбужденія сомнѣнія для оцѣнки ихъ надлежащаго значенія; особенность обличенія преп. Максима состояла въ указаніи на внутреннее противорѣчіе между поведеніемъ, дѣйствіями и взаимными отношеніями, вполнѣ уживавшимися и считавшимися нормальными (съ христіанской нравственной точки зрѣнія) въ сознаніи частныхъ лицъ и цѣлаго сословія и всего общества, какъ напр. господство обрядовой стороны вѣры надъ внутренними побужденіями и добродѣтелью или на несообразность богатства, любостяжательности и праздности монаховъ съ обѣтами нищеты, подвиговъ и смиренія. Съ точки зрѣнія преп. Максима русское

общество того времени во всѣхъ частяхъ церковнаго управленія и жизни нуждалось въ преобразованіи, улучшеніи и возрожденіи согласно съ требованіемъ христіанскаго долга; средствомъ для этого онъ признавалъ, помимо обузданія и ограниченія страстей, просвѣщеніе ума и сердца чрезъ познаніе христіанской вѣры, исторіи и жизни другихъ людей, хотя бы и неправославныхъ, но опередившихъ Россію мудростью, художествами и ремеслами. Огульное осужденіе закоренѣлаго, вѣками сложившагося невѣжества, указаніе на испорченность нравовъ и понятій русскихъ, неисправность церковныхъ книгъ, ложное направленіе монашества и бездѣятельность духовенства и (указаніе) на остатки языческихъ суевѣрій, соединенныхъ съ астрологическими и баснословными вѣрованіями наносили глубокое оскорбленіе русскому самолюбію, но это осужденіе неизбѣжно сопровождалось измѣненіемъ понятій о многихъ предметахъ и вопросахъ, въ сущность и значеніе которыхъ русскіе не привыкли вдумываться. Правда, на недостатки русскаго общества указывали послѣдователи ереси жидовствующихъ, но, не говоря уже объ односторонности ихъ обличеній, они колебали догматическую сторону вѣры и отрицали внѣшнюю обрядовую—святыню (иконы), чѣмъ особенно вооружали противъ себя защитниковъ вѣры; между тѣмъ какъ твердость преп. Максима Грека въ православіи, подвергавшаяся подозрѣнію со стороны недоброжелателей преп. отца, вполнѣ впослѣдствіи оправдалась, хотя преувеличеніемъ ошибокъ преп. отца намѣревались ослабить громадное вліяніе его и подорвать довѣріе къ его правдивому, но жесткому, какъ обличителю, слову. Подъ вліяніемъ преп. Максима „заволжскіе старцы, стремившіеся вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими къ обновленію русскаго монашества и общества,

получали большую смѣлость и увѣренность въ своихъ убѣжденіяхъ.

Въ XVI в. сочиненіе преп. Максима были въ большомъ употребленіи, вошедши въ разные сборники и въ монастырскія библіотеки; уваженіе къ нимъ простиралось до того, что ихъ жертвовали въ церкви на поминъ объ усопшихъ *). Обличенія преп. Максима побудили церковную власть съ царемъ Іоанномъ IV во гнѣвѣ созвать извѣстный „Стоглавый соборъ“ въ 1551 г. для изысканія мѣропріятій къ водворенію порядковъ въ виду упадка просвѣщенія и полнаго разстройства церковной жизни русскихъ XVI в. Въ постановленіяхъ собора 1551 г. констатировано и формулировано то, на что у преп. Максима были или прямыя указанія, или намеки. Если члены Стоглаваго собора не упоминали имени преп. Максима, тогда еще живаго и опальнаго, то въ разсужденіяхъ о нуждахъ или запросахъ церкви они проникались и руководствовались совѣтами и взглядами преп. отца, разсѣянными въ трудахъ его. Излюбленные вопросы преп. Максима объ исправленіи богослужебныхъ книгъ, о порокахъ духовенства и монашества, о печальномъ положеніи низшаго класса рабовъ и сиротъ были предметами обсужденія и заботъ на Стоглавомъ соборѣ. Послѣдователи русскаго раскола старообрядства въ XVII—XVIII вв. ссылались на преп. Максима Грека для подтвержденія своихъ мнѣній; хотя ссылки ихъ были неудачны въ вопросахъ о формѣ перстосложенія для изображенія крестнаго знаменія (двуперстнаго), сугубаго аллилуіа и др., но самое обращеніе ихъ ко взгляду преп. Максима Грека свидѣтельствуетъ объ авторитетѣ преп. отца, какъ святаго мужа, книжнаго и правильнаго, древне-русскаго свидѣтеля и защитника старины.

*) Иконниковъ. Преп. Максимъ Грекъ. Кіевъ. 1866 г. 336—7.

На основаніи всего сказаннаго, нужно признать большое значеніе за дѣятельностью преп. Максима Грека, какъ проповѣдника, обличителя и исправителя недостатковъ русскаго общества XVI в. Главное значеніе его состояло въ томъ, что онъ, не смотря на чужеземное происхожденіе и чрезвычайно трудные, исключительные обстоятельства пребыванія на Руси, создалъ направленіе, впослѣдствіи расширившееся и яснѣе опредѣлившееся, стремившееся къ просвѣщенію для устроеній внѣшней и внутренней церковной жизни сообразно христіанскому закону, узкое и внѣшнее пониманіе и выраженіе котораго закрывало и задерживало многія идеальныя стороны христіанства при сознаніи въ то же время самодовольства и превосходства у русскихъ предъ другими народами, сосѣдними и отдаленными, христіанскими и нехристіанскими *).

Свящ. *А. Синайскій.*

*) Недавно, въ мартѣ сего 1898 года, появилась краткая характеристика преп. Максима Грека, принадлежащая извѣстному ученому, академику, А. Н. Пыпину (въ его исторіи русской литературы, II т., 120—148 стр.). Характеристика составлена на основаніи соч. преп отца (изд. при Каз. д. академіи), и извѣстныхъ ученыхъ изслѣдованій о преп. М. Грекѣ съ полнымъ безпристрастіемъ, въ общедоступномъ легкомъ изложеніи и въ сочувственномъ тонѣ къ несчастной судьбѣ и великимъ заслугамъ для Руси идеальнаго пришельца-грека. Раздѣляя и повторяя всѣ лучшіе отзывы ученыхъ о преп. Максимѣ Грекѣ, какъ видномъ представителѣ тогдашняго европейскаго образованія, г. Пыпинъ считаетъ его приверженцемъ традиціоннаго міровоззрѣнія, т. е. схоластическаго и односторонняго, а не научнаго, въ которомъ (т. е. въ послѣднемъ) наука освобождалась въ то время (эпоха „Возрожденія“ гуманизма) отъ служебнаго положенія теологіи и открывала для себя безграничный просторъ изысканій о природѣ и человѣкѣ: говорится это со стороны достопочтеннаго ученаго не въ упрекъ знаменитому проповѣднику и защитнику просвѣщенія на Руси, а для характеристики преп. отца, какъ духовнаго писателя, съ чѣмъ нельзя не согласиться.